

ВСТРѢЧИ.

Достоевскій.

Достоевскій всегда былъ однимъ изъ моихъ любимыхъ писателей. Его рассказы, повѣсти и романы производили на меня глубокое впечатлѣніе. Но когда появился въ свѣтъ его «Дневникъ писателя», онъ вдругъ сдѣлался какъ-то особенно близокъ и дорогъ мнѣ. Кромѣ даровитаго автора художественныхъ произведеній, передо мною выросъ чловѣкъ съ чуткимъ сердцемъ, съ отзывчивой душой,—чловѣкъ, горячо откликавшійся на всѣ злобы дня, и я написала ему порывистое письмо. Онъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующее:

Петербургъ 3 марта/76 г.

«Глубокоуважаемая

Христина Даниловна!

«Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за вашъ искренній и радушный привѣтъ. Писателю всегда милѣе и важнѣе услышать доброе и ободряющее слово прямо отъ сочувствующаго ему читателя, чѣмъ прочесть какія угодно себѣ похвалы въ печати. Право, не знаю, чѣмъ это объяснить: тутъ, прямо отъ читателя,—какъ бы болѣе правды, какъ бы болѣе *въ самомъ дѣлѣ* ¹⁾. И такъ, благодарю васъ, и если нѣсколько опоздалъ отвѣтомъ, то потому, что ужъ очень работалъ надъ февральскимъ выпускомъ и едва поспѣлъ къ сроку. Примите увѣреніе самаго глубокаго къ Вамъ уваженія.

Вашъ слуга

Федоръ Достоевскій».

¹⁾ Курсивъ въ письмахъ принадлежитъ Достоевскому.

Переписка моя съ Достоевскимъ, однако, на этомъ не прекратилась, и на второе мое письмо онъ писалъ слѣдующее:

Петербургъ 9 апрѣля/76 г.

«Глубокоуважаемая

Христина Даниловна!

«Очень прошу васъ извинить, что отвѣчаю вамъ не сейчасъ. Когда я получилъ письмо Ваше отъ 9 марта, то уже сѣлъ за работу. Хотя я и кончаю работу примѣрно къ 25-му мѣсяца, но остаются хлопоты съ типографіей, затѣмъ съ разсылкой и проч. А нынѣшній мѣсяцъ къ тому же заболѣлъ простудой, да и теперь еще не выздоровѣлъ. Письмо ваше доставило мнѣ большое удовольствіе, особенно приложение главы изъ вашего дневника; это прелесть, но я вывелъ заключеніе, что вы одна изъ тѣхъ, которыя имѣютъ даръ «одно *хорошее* видѣть». Про пріютъ г-жи Чертовой я, впрочемъ, ничего не знаю (но узнаю при первой возможности); я вѣрю, что все такъ и есть, какъ вы написали, но, можетъ-быть, рядомъ есть и что-нибудь нежелательное, — *этого вы не хотѣли замѣтить*. Все это рисуетъ характеръ, и я слишкомъ васъ уважаю за эту самую черту. Кромѣ того, вижу, что вы сама—изъ новыхъ людей (въ добромъ смыслѣ слова)—дѣятель и хотите дѣйствовать. Я очень радъ, что познакомился съ вами хоть въ письмахъ. Не знаю, куда меня пошлютъ на лѣто доктора; думаю, что въ Эмсъ, куда ѣзжу уже два года, но, можетъ-быть, и въ Ессентуки, на Кавказъ; въ послѣднемъ случаѣ, хоть, можетъ-быть, и крюку сдѣлаю, а заѣду въ Харьковъ, на обратномъ пути. Я давно уже собирался побывать на нашемъ югѣ, гдѣ никогда не былъ. *Тогда*, если Богъ приведетъ и если вы мнѣ сдѣлаете эту честь, познакомимся лично.

«Вы сообщаете мнѣ мысль о томъ, что я въ «Дневникѣ» «размѣняюсь на мелочи». Я это уже слышахъ и здѣсь. Но вотъ что я, *между прочимъ*, вамъ скажу: я вывелъ неотразимое заключеніе, что писатель—художественный, кромѣ поэмы, долженъ знать до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую дѣйствительность. У насъ,

по-моему, одинъ только блистаетъ этимъ, — графъ Левъ Толстой. Victor Hugo, котораго я высоко цѣню, какъ романиста (за что, представьте себѣ, покойникъ Ѳ. Тютчевъ на меня даже разъ разсердился, сказавши, что «Преступленіе и наказаніе» (мой романъ)—выше Misérables), хотя и очень иногда растянуть въ изученіи подробностей, но, однако, далъ такіе удивительные этюды, которые, не было бы его, такъ бы и остались совсѣмъ неизвѣстными міру. Вотъ почему, готовясь написать одинъ очень большой романъ, я и задумалъ погрузиться специально въ изученіе—не дѣйствительности, собственно, я съ нею и безъ того знакомъ, а подробностей текущаго. Одна изъ самыхъ важныхъ задачъ въ этомъ текущемъ, для меня, напимѣръ, молодое поколѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ современная русская семья, которая, я предчувствую это, далеко не такова, какъ всего еще двадцать лѣтъ назадъ. Но есть и еще многое кромѣ того. Имѣя 53 года, можно легко отстать отъ поколѣнія при первой небрежности. Я на-дняхъ встрѣтилъ Гончарова и на мой искренній вопросъ: понимаетъ ли онъ все въ текущей дѣйствительности, или кое-что уже пересталъ понимать? онъ мнѣ прямо отвѣтилъ, что многое «пересталъ понимать». Конечно, я про себя знаю, что этотъ *большой умъ* не только понимаетъ, но и учителей научить, но въ томъ извѣстномъ смыслѣ, въ которомъ я спрашивалъ (и что онъ понялъ съ $\frac{1}{4}$ слова), онъ, разумѣется,—не то что не понимаетъ, а не хочетъ понимать. «Мнѣ дороги мои идеалы и то, что я такъ излюбилъ въ жизни, прибавилъ онъ, я и хочу съ этимъ провести тѣ немного лѣтъ, которые мнѣ остались, а штудировать этихъ (онъ указалъ мнѣ на проходившую толпу на Невскомъ проспектѣ) мнѣ обременительно, потому что на нихъ пойдетъ мое дорогое время»... Не знаю, понятно ли я Вамъ это выразилъ, Христина Даниловна, но меня какъ-то влечетъ еще написать что-нибудь съ полнымъ знаніемъ дѣла, вотъ почему я, нѣкоторое время, и буду штудировать и рядомъ вести «Дневникъ писателя», чтобъ не пропало даромъ множество впечатлѣній.

«Все это, конечно, идеаль! Вѣрите ли вы, напимѣръ, тому, что я еще не успѣлъ уяснить себѣ форму «Дневника»,

да и не знаю, налажу ли это когда-нибудь, такъ что «Дневникъ» хоть и два года, напимѣрь, будетъ продолжаться, а все будетъ вещью неудавшеюся. Напимѣрь: у меня 10—15 темъ, когда сажусь писать (не меньше). Но темы, которыя я излюбилъ больше, я поневолѣ откладываю: мѣста займутъ много, жару много возмуть (дѣло Кронеберга, напимѣрь), номеру повредятъ, будетъ неразнообразно, мало статей, и вотъ пишешь не то, что хотѣлъ. Съ другой стороны, я слишкомъ наивно думалъ, что это будетъ *настоящій* «Дневникъ». Настоящій «Дневникъ» почти невозможенъ, а только показной, для публики. Я встрѣчаю формы и выношу много впечатлѣній, которыми очень бываю занятъ,—но какъ объ иномъ писать? Иногда просто невозможно. Напимѣрь: вотъ уже три мѣсяца, какъ я получаю отовсюду очень много писемъ, подписанныхъ и анонимныхъ, всѣ сочувственныя. Иныя писаны чрезвычайно любопытно и оригинально и къ тому же всѣхъ возможныхъ существующихъ теперь *направлений*. По поводу этихъ *всѣхъ возможныхъ* направлений, слившихся въ общемъ мнѣ привѣтствіи, я и хотѣлъ было написать статью, а именно впечатлѣніе отъ этихъ писемъ (безъ обозначенія именъ)—а къ тому же тутъ мысль, всего болѣе меня занимающая: «въ чемъ наша *общность*, гдѣ тѣ пункты, въ которыхъ мы могли бы всѣ, разныхъ направлений, сойтись?» Но обдумавъ уже статью, я вдругъ увидалъ, что ее, *со всею искренностью*, ни за что написать нельзя; ну, а если безъ искренности—то стоитъ ли писать? Да и горячаго чувства не будетъ...

«Вдругъ, третьяго дня, утромъ, входятъ ко мнѣ двѣ дѣвицы, обѣ лѣтъ по 20, входятъ и говорятъ: «Мы хотѣли съ Вами познакомиться еще съ поста. Надъ нами всѣ смѣялись и сказали, что Вы насъ не примете, а если и примете, то ничего съ нами не скажете. Но мы рѣшили попытаться и вотъ пришли, такая-то и такая-то». Ихъ приняла сначала жена, потомъ вышелъ я. Онѣ рассказали, что онѣ студентки медицинской академіи, что ихъ тамъ женщинъ уже до 500 и что онѣ вступили въ академію, «чтобъ получить высшее образованіе и приносить потомъ пользу». Этого типа новыхъ дѣвицъ я не встрѣчалъ (старыхъ же *нигилистокъ* знаю

множество, знакомъ лично и хорошо изучилъ). Вѣрите ли, что рѣдко я провелъ лучше время, какъ тѣ два часа съ этими дѣвицами. Что за простота, натуральность, свѣжесть чувства, чистота ума и сердца, *самая искренняя серьезность и самая искренняя веселость!*

«Черезъ нихъ я, конечно, познакомлюсь со многими, такими же и, признаюсь Вамъ,—впечатлѣніе было сильное и свѣтлое, но какъ описать его? Со всею искренностью и радостью за молодежь—невозможно. Да и личность почти. А въ такомъ случаѣ, какія же я долженъ заносить впечатлѣнія? Вчера вдругъ узнаю, что одинъ молодой человѣкъ, еще изъ учащихся (гдѣ—не могу сказать), и котораго мнѣ показали, будучи въ знакомомъ домѣ, зашелъ въ комнату домашняго учителя, учившаго дѣтей въ этомъ семействѣ, и, увидавъ на столѣ его *запрещенную книгу*, донесъ объ этомъ хозяину дома и тотъ тотчасъ же выгналъ гувернера. Когда молодому человѣку, въ другомъ уже семействѣ, замѣтили, что онъ *сдѣлалъ низость*, то онъ этого *не понималъ*. Вотъ вамъ другая сторона медали. Ну, какъ я расскажу объ этомъ? Это личность, а между тѣмъ тутъ не личность, тутъ характеръ былъ особенно, какъ мнѣ передавали, тотъ процессъ мышленія и убѣжденій, вслѣдствіе которыхъ онъ *не понималъ*, и объ чемъ можно бы сказать любопытное словцо.

«Но я заболтался, къ тому же я ужасно не умѣю писать писемъ. Простите и за почеркъ, у меня гриппъ, болитъ голова и нынѣшній день ломъ въ глазахъ, потому пишу, почти не видя буквъ. Позвольте пожать вамъ руку и сдѣлайте мнѣ честь считать меня въ числѣ многихъ глубокоуважающихъ васъ людей. Примите въ томъ мои увѣренія.

Вашъ слуга *Ө. Достоевскій*».

Вотъ что отвѣчала я на это письмо:

«Глубокоуважаемый

Өедоръ Михайловичъ!

«Я такъ была счастлива вашимъ письмомъ, что нѣсколько дней сряду никакія житейскія непріятности, которыхъ у каждаго довольно, какъ-то не дѣйствовали на меня

и были бессильны замутить эту радость. Затѣмъ наступило грустное раздумье на тему, что я не стою вашего письма: въ жизни моей я никогда ничему не училась, никогда не работала надъ собой, всегда отдавалась тому только, что мнѣ нравилось, что влекло меня къ себѣ въ данную минуту; за что же это хорошее, почти дружеское письмо, за что вы говорите со мною, какъ съ человѣкомъ вполне образованнымъ, разумнымъ и серьезнымъ, мнѣ просто кажется, что я украла у васъ это письмо, что оно относится не ко мнѣ, а къ кому-то другому, кто лучше меня, что оно попало ко мнѣ по ошибкѣ, или же я представила себя совсѣмъ другою, въ ложномъ свѣтѣ въ своемъ прошломъ письмѣ къ Вамъ. Но нѣтъ,—не можетъ быть: я знала людей, которые очень строго относились ко мнѣ, даже враждебно, и находили во мнѣ много недостатковъ, но преднамѣренной фальши никогда! Отгону же я это раздумье и останусь только съ одной своей радостью. Первое мѣсто въ этой радости занимаетъ мысль — лично познакомиться съ вами, — объ этомъ до сихъ поръ я какъ-то запрещала себѣ и мечтать, настолько это казалось мнѣ несбыточнымъ. Въ Ессентуки необходимо ѣхать черезъ Харьковъ, и вотъ мы будемъ имѣть счастье видѣть Васъ у себя. Я говорю—мы, такъ какъ мужъ мой—одинъ изъ самыхъ искреннихъ поклонниковъ вашего таланта, хотя и возражалъ на нашемъ послѣднемъ вечерѣ чтенія на вашу замѣтку о банкахъ. Въ чемъ состоялъ его протестъ, я не сумѣю Вамъ передать, такъ какъ ровно ничего не понимаю въ его банковыхъ дѣлахъ и нахожу ихъ настолько скучными, что удаляюсь обыкновенно въ другую комнату, когда заходитъ рѣчь о банкахъ. Въ этотъ же вечеръ я очень была огорчена тѣмъ, что одинъ нашъ знакомый офицеръ (превосходно читающій за Вронскаго въ «Аннѣ Карениной») испортилъ своимъ слишкомъ громкимъ, мѣрнымъ, военнымъ голосомъ, вашъ рассказъ «Столѣтняя», и онъ не произвелъ должнаго впечатлѣнія. Я никакъ не могла простить себѣ, что не читала сама, а поручила ему читать, думая, не прочтетъ ли онъ лучше меня; между тѣмъ, когда читала я («Мальчикъ на елкѣ у Христа» и «Мужикъ Марей»), многіе не могли слушать

безъ слезъ, а этотъ разсказъ нашли гораздо слабѣе, тогда какъ, по-моему, онъ очень тепелъ и симпатиченъ. Позвольте разъяснить вамъ, что значить «читалъ за Бронскаго». Видите ли: на нашихъ литературныхъ вечерахъ читается также каждый разъ по полученіи «Анна Каренина» и читается такъ: я читаю главы, въ которыхъ говорится объ Аннѣ Карениной, дядя мой (превосходный чтець)—о Левинѣ и Облонскомъ, этотъ офицеръ—о Бронскомъ и одна барышня о Кити. Чтеніе выходитъ чрезвычайно оживленное. Каждый изъ насъ готовится къ этому чтенію; я такъ обыкновенно знаю наизусть свои главы.

«Какъ мнѣ интересно было бы знать, какого вы мнѣнія объ этомъ романѣ, но не смѣю спрашивать, такъ какъ отвѣчать на этотъ вопросъ коротко невозможно. Остается надѣяться, не скажете ли вы чего-нибудь объ этомъ въ вашемъ «Дневникѣ». Романъ этотъ настолько всѣхъ занимаетъ, что вамъ слѣдовало бы высказаться на его счетъ, тѣмъ болѣе, что, читая «разборы» его, такъ и хочется сказать: «но какъ же критика *хавроньей* не назвать». Какъ странно, что въ нашъ вѣкъ скептицизма, анализа и разрушенія нѣтъ ни одного порядочнаго критика, это просто какая-то насмѣшка судьбы! Ни одна критика, впрочемъ, богата «хавроньями», ими богато и общество: «почему, видите ли, Толстой не описываетъ студентовъ, не описываетъ народъ?! «Точно можно художнику, подлаживаясь подъ ходячія требованія, писать по заказу, точно Айвазовскаго, положимъ, можно упрекнуть за то, что онъ рисуетъ море и небо, а не мужика и студента, и какъ смѣть требовать отъ писателя романа по извѣстному шаблону и отрицать его значеніе, если онъ ему не соотвѣтствуетъ. Ввиду всѣхъ этихъ разнорѣчій, почему бы вамъ не высказаться? Положимъ, «критическій взглядъ на романъ» не подойдетъ, кажется, ни подъ одну рубрику вашего «Дневника». Но вѣдь вы сами же ихъ настроили, стало-быть, можете и разстроить. Вообще, я не знаю, зачѣмъ вамъ стѣснять себя какими бы то ни было рамками; между тѣмъ, вы говорите: «Мѣста займетъ много, будетъ не разнообразно, мало статей». Что жъ за бѣда! Если бы, предположимъ, «Дѣло Кро-

неберга», этот *chef d'œuvre* вашего «Дневника» (по признанію самыхъ строгихъ судей) заняло бы цѣлый номеръ, не оставивъ мѣста разсказу и проч., что жъ такое? И не даетъ ли оно обществу нравственнаго удовлетворенія, даже больше, чѣмъ отрывочныя впечатлѣнія, вызываемыя разнообразными случайностями? Я знаю людей, которые придаютъ огромное значеніе этой статьѣ. Они говорятъ: «Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, забудется дѣло Кронеберга, забудется все, что писалось и говорилось по этому дѣлу, всѣ фразистые фельетоны, всѣ слащаво гуманныя рѣчи, одна только *эта* статья никогда не утратитъ своего значенія и будетъ служить живымъ укоромъ и обществу, и адвокатурѣ, и всѣмъ намъ». Да, по-моему, каждое произведеніе чловѣка, въ которое онъ вложилъ частичку своей души,—безсмертно, и вдругъ мы лишились бы этой статьи изъ-за того, что «мѣста займетъ много, будетъ не разнообразно, мало статей!» Вѣдь вы сами творецъ вашего «Дневника», кто же имѣетъ какое бы то ни было право требовать отъ васъ, во что бы то ни стало, извѣстныхъ рубрикъ, да и у кого въ обществѣ сложился взглядъ: «чѣмъ долженъ быть «Дневникъ писателя». Когда я въ первый разъ прочла объявленіе о «Дневникѣ», я никакъ не могла представить себѣ, что именно это будетъ: раздумье ли ваше о прошломъ и настоящемъ, анализъ ли текущихъ взглядовъ, направленій, событій, біографія ли вашей собственной жизни, или вымышленнаго лица—писателя. Я увѣрена была только, зная васъ по всѣмъ вашимъ другимъ произведеніямъ, что это будетъ умно, тепло, интересно, искренно, и радовалась этой счастливой мысли писать «Дневникъ».

«Когда полученъ былъ первый номеръ, мнѣ показалось, что именно такимъ онъ и долженъ быть и другимъ быть не можетъ,—однимъ словомъ, *«солнцемъ безъ пятенъ»*. Впрочемъ, вы, вѣроятно, отнесете это къ моему дару «одно хорошее видѣть». Но объ этомъ послѣ, а теперь еще о «Дневникѣ». Съ величайшимъ интересомъ прочла я о цѣли, во имя которой вы взялись за него и заблаговременно предвкушаю мысленно наслажденіе отъ будущаго длиннаго романа. Въ памяти еще живы впечатлѣнія «Подростка»,

«Пансіонъ Тушара», «Смерть Оли» и другихъ художественныхъ сценъ, которыя мнѣ также приходилось читать громко въ обществѣ. Одно меня смущаетъ за васъ,—это *обязательность срока* (я говорю о «Дневникѣ»): мнѣ кажется, это должно быть крайне непріятно и обременительно; но, если это непріятно, зато какъ хорошо то, что «Дневникъ писателя» является дѣломъ вполне самостоятельнымъ, независимымъ. Извольте поддѣлываться подъ тенденціи какой-нибудь редакціи и имѣть ихъ ввиду, принимаясь писать (это своего рода цензура), а тутъ самъ себѣ господинъ,—превосходно.

«Почему доктора посылаютъ васъ въ Ессентуки, а не въ Крымъ? У насъ, въ Харьковѣ, есть превосходный докторъ, Франковскій,—это человѣкъ идеально честный, правдивый, много учившійся, много читавшій, много видѣвшій, долго жившій. Онъ бывалъ вездѣ, и за границей, и на Кавказѣ, и въ Крыму, и находитъ, что ничто не можетъ сравниться полезностью съ приморскимъ воздухомъ, морскими купаньями и винограднымъ лѣченіемъ для каждого организма, чѣмъ бы онъ ни страдалъ. Между тѣмъ, въ Ессентукахъ страшная сырость, грязь, отсутствіе какихъ бы то ни было удобствъ къ жизни,—всѣ, бывшіе тамъ въ прошломъ году, страшно роптали и никто не поправился, а Крымъ просто творить чудеса. Мы жили тамъ въ прошломъ году и видѣли воочию такія превращенія изъ умиравшихъ въ здоровыхъ, что трудно повѣрить, не бывши свидѣтелемъ. Кромѣ того, роскошная, сказочная природа, всевозможныя удобства къ жизни,—все это способствуетъ поправленію.

«Но, можетъ-быть, прежде, чѣмъ вы поѣдете въ Ессентуки, я буду въ Петербургѣ (это зависитъ отъ банковыхъ дѣлъ мужа, такъ какъ меня обыкновенно везутъ туда при окказіи), и, если позволите, явлюсь представиться вамъ и супругѣ вашей, которой прошу васъ потрудиться передать мое почтеніе. Чтобы обрисовать вамъ, насколько я до смѣшного интересуюсь всѣмъ, касающимся васъ, расскажу слѣдующее происшествіе: услышавши, что одинъ изъ хорошо знакомыхъ мнѣ книгопродавцевъ, Куколевскій (сосѣдь нашъ по магазину, — у насъ чайная торговля, которою я за-

вѣдую), получилъ дѣловое письмо отъ вашей жены, я просила его дать мнѣ прочитатъ это письмо, что онъ, разумѣется, исполнилъ съ удовольствіемъ. Конечно, это было обыкновенное дѣловое письмо, и я ничего не могла ждать отъ него,—но все-таки мнѣ какъ-то пріятно было, что это пишетъ близкій вамъ человѣкъ—ваша жена. Вообще, я должна предупредить васъ, что во мнѣ очень много такого смѣшного, институтскаго, несмотря на то, что я никогда не была институткою и что это «и не къ лицу и не по лѣтамъ», такъ какъ мнѣ 35 лѣтъ и я мать 4-хъ дѣтей.

«Что же касается до моего дара—«одно хорошее видѣть», то это не совсѣмъ такъ: у меня всегда крайности или одно хорошее или одно дурное; такъ, напримѣръ, въ нѣмецкихъ школахъ, въ Вѣнѣ и Берлинѣ, я видѣла только одно дурное и никакъ не могла принудить себя видѣть хотя что-нибудь хорошее, между тѣмъ, какъ школа м-ме Раре-Carpantier (автора многихъ дѣтскихъ книгъ), въ Парижѣ, привела меня въ такой восторгъ, что я не замѣтила въ ней ни пятнышка. Такъ и относительно людей—или люблю безгранично, или терпѣть не могу. Мать у меня была молдаванка—дочь, нѣтъ, внучка господаря Молдавіи—Гика, сдѣлавшая *mésalliance*, женщина холерическаго темперамента, и вотъ я, опять членъ случайнаго семейства «Подростокъ», унаслѣдовала всѣ ея отрицательныя качества: порывистость, нетерпимость, вспыльчивость, нервность, впечатлительность,—все то, что мѣшаетъ человѣку спокойно и безпристрастно смотрѣть на міръ Божій. И понимаю, что это дурно, да не умѣю передѣлаться.

Глубоко уважающая васъ

Х. Алчевская». X

19 апрѣля 1876 года.

Обмѣнявшись этими письмами, я рѣшилась ѣхать въ Петербургъ.

Недавно, пересматривая свои дневники, я нашла слѣдующее описаніе встрѣчи моей съ Достоевскимъ:

20 мая 1876 года.

Петербургъ.

Вчера мы приѣхали въ Петербургъ. Цѣль моей поѣздки была свиданіе съ Достоевскимъ. Мысль не застать его въ Петербургъ такъ мучительно преслѣдовала меня, что я совсѣмъ разстроила себѣ нервы, и стоило мнѣ подумать объ этой встрѣчѣ, я тотчасъ же начинала плакать. Устраивать свиданіе въ такомъ видѣ я считала невозможнымъ, чувствуя, что, какъ только увижу его, расплачусь, и я не позволила себѣ писать къ нему вчера. Заснувши тѣмъ крѣпкимъ сномъ, какимъ люди засыпаютъ въ уютной постели послѣ дорожныхъ коекъ, желѣзнодорожной неурядицы, требованія билетовъ среди ночи и проч. и проч., я проснулась отдохнувшая, успокоившаяся и веселая. Несмотря на это, однако, когда посыльный пришелъ съ отвѣтомъ на мою записку къ Достоевскому, у меня забилося сердце. Было 12 час. дня. «Почиваютъ,—докладывалъ мнѣ, между тѣмъ, посыльный,—встанутъ въ 3 часа, тогда имъ отдадутъ».

Въ три часа! До трехъ часовъ такъ много времени—куда дѣвать его, чтобы оно показалось короче, да и, кромѣ того, онъ только встанетъ въ три часа, а отвѣтъ долженъ быть позднѣе—въ 4, въ 5 час. Я пошла въ гостинный дворъ и безпрестанно останавливала себя у красивыхъ магазиновъ, стараясь парализовать тревожную мысль объ отвѣтѣ. Я накупала игрушки дѣтямъ, письменныя принадлежности, почти ненужныя, почти нежеланныя, и все-таки, когда вновь въ головѣ вспыхивала мысль: «а что, если онъ встанетъ раньше обыкновеннаго, что, если онъ вздумаетъ приѣхать и не застанетъ меня дома?» кровь бросалась мнѣ въ голову, и мнѣ казалось, что, если это случится, все въ жизни для меня будетъ потеряно. Въ половинѣ 3-го я возвратилась домой. Отвѣта не было ни въ 3, ни въ 4, ни въ 5. Въ 5^{1/2} мы сѣли обѣдать за табльдотъ. Съ нами обѣдалъ Б. Я очень люблю его за большой, свѣтлый, острый умъ, но на этотъ разъ мнѣ нужно было силою заставлять себя слушать его. Послѣ супа мальчикъ-

швейцаръ подошелъ поспѣшно къ нашему столу и сказалъ вполголоса: «Господинъ Достоевскій васъ спрашиваетъ».

Съ быстротою молніи бросилась я изъ столовой, не сказавши собесѣдникамъ ни слова, опрометью взлетѣла по лѣстницѣ и очутилась у дверей своего номера лицомъ къ лицу съ Достоевскимъ. Передо мною стоялъ человѣкъ небольшого роста, худой, небрежно одѣтый. Я не назвала бы его старикомъ: ни лысины ни сѣдины, обычныхъ примѣтъ старости, не замѣчалось; трудно было бы даже опредѣлить, сколько именно ему лѣтъ; зато, глядя на это страдальческое лицо, на впалые, небольшие, потухшіе глаза, на рѣзкія, точно имѣющія каждая свою біографію, морщины, съ увѣренностью можно было сказать, что этотъ человѣкъ много думалъ, много страдалъ, много перенесъ. Казалось даже, что жизнь почти потухла въ этомъ слабомъ тѣлѣ. Когда мы усѣлись близко, vis-à-vis, и онъ началъ говорить своимъ тихимъ слабымъ голосомъ, я не спускала съ него глазъ, точно онъ былъ не человѣкъ, а статуя, на которую принято смотрѣть вволю. Мнѣ думалось: «Гдѣ же именно помѣщается въ этомъ человѣкѣ тотъ талантъ, тотъ огонь, тотъ психологическій анализъ, который поражаетъ и охватываетъ душу при чтеніи его произведеній? По какимъ признакамъ можно было бы узнать, что это именно онъ—Достоевскій, мой кумиръ, творецъ «Преступленія и наказанія», «Подростка» и проч. И въ то время, когда онъ своимъ слабымъ голосомъ говорилъ объ отсутствіи въ нашемъ обществѣ стойкихъ самостоятельныхъ убѣжденій, о сектахъ, существующихъ въ Петербургѣ для разъясненія будто бы Евангелія, о нелѣпости спиритизма и интеллигентнаго кружка, дошедшаго до вывода, что это нечистая сила, о дѣлѣ Каировой, о своей боязни отстать отъ вѣка и перестать понимать молодое поколѣніе или діаметрально противоположно разойтись съ нимъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ и вызвать его порицанія, объ анонимныхъ письмахъ, въ которыхъ за подписью «Нигилисты», говорится: «Правда, вы сбиваетесь всторону, дѣлаете промахи, погрѣшности противъ насъ, но мы все-таки считаемъ васъ нашимъ и не желали бы выпустить изъ своего лагеря», о тѣхъ ошиб-

какъ и перемѣнѣ взглядовъ на вещи, которыхъ онъ не чуждъ до сихъ поръ; въ то время, какъ онъ говорилъ это не только не съ надменностью замѣчательнаго ума, психолога и поэта, а съ какою-то необыкновенной застѣнчивостью, робостью и точно боязнью не выполнить даннаго ему жизнью порученія честно и добросовѣстно, мнѣ вдругъ показалось, что передо мною вовсе не человѣкъ. Таковы ли люди,—всѣ тѣ люди, которыхъ знаю я? Всѣ они такъ реальны, такъ понятны, такъ осязаемы, а здѣсь передо мною духъ непонятный, невидимый, вызывающій желаніе поклоняться ему и молиться. И мнѣ непреодолимо захотѣлось стать передъ нимъ на колѣни, цѣловать его руки, молиться и плакать. Можетъ-быть, человѣческой природѣ присуще чувство обоготворенія и желаніе поклоняться и молиться чему-то высшему, недостижимому, непостижимому и, утративъ вѣру ходячей религіи, онъ ищетъ въ человѣкѣ идеала, кумира. Желаніе это было такъ непреодолимо, что, можетъ-быть, я и привела бы его въ исполненіе, если бы не почувствовала вдругъ на себѣ взгляда душевнаго анатома этихъ почти потухшихъ глазъ. Онъ тоже все время разговора также пристально, точно какой-нибудь неодушевленный предметъ, разсматривалъ меня, но вотъ какая была разница въ моемъ и въ его пристальномъ взглядѣ: въ моемъ—было благоговѣніе и поклоненіе, онъ же, вѣроятно, привыкъ на каждаго человека смотрѣть, какъ на матеріаль, пригодный для изученія; такъ, между прочимъ, онъ мнѣ говорилъ: «Не правда ли, есть люди, въ жизни вполнѣ воплощающіе извѣстный типъ», и назвалъ нѣсколько фамилій, между прочимъ, Надѣина, бывшаго богатаго барина, изъ принципа сдѣлавшагося книгопродавцемъ. «Нѣтъ,—отвѣчала я подѣ влияніемъ этого анатомирующаго взгляда,—я думаю, что, когда передъ человѣкомъ, не одареннымъ психологическимъ анализомъ, проходятъ эти типы, они кажутся ему ничѣмъ не выдающимися, заурядными людьми; я двадцать разъ, на примѣръ, видѣла Надѣина, и мнѣ никогда въ голову не приходило, что это *типъ*; человѣкъ же, который привыкъ выворачивать человѣческую душу, въ каждомъ отдѣльномъ

индивидуумъ можетъ найти особенный интересъ». Я говорила это, и мнѣ даже какъ будто немножко обиднымъ начиналъ казаться его пристальный взглядъ. Странно вотъ что: повидимому, все, что я говорила ему, я говорила очень спокойно и даже складно, я чувствовала это, но внутри страшно волновалась и постоянно ощущала бѣненіе сердца и даже головокруженіе.

Точно будто для подтвержденія моей догадки онъ сказалъ мнѣ такъ просто и спокойно, точно докторъ своему пациенту: «Пожалуйста, повернитесь больше къ свѣту, вотъ такъ, чтобы мнѣ было виднѣе. Я никакъ ничего не пойму въ вашемъ лицѣ—съ одной стороны этотъ жгучій, полный жизни юношескій взглядъ, эти красныя, яркія, какъ въ 20 лѣтъ, щеки (тутъ только я почувствовала, что щеки и голова горятъ у меня, какъ въ огнѣ), и тутъ же сѣдые волосы, какъ это красиво! Вначалѣ я думалъ, что они напудрены. Сколько вамъ лѣтъ?—14 лѣтъ замужемъ, четверо дѣтей — ничего не понимаю!»—«Тридцать пять», отвѣчала я и очень длинно распространилась о томъ, что физической молодости я, пожалуй, была бы рада, если бы такая оказалась, но меня убиваетъ моя душевная незрѣлость, и очень часто я чувствую себя смѣшною въ своихъ увлеченіяхъ и поступкахъ, которые и не къ лицу и не по лѣтамъ.

— Знаете ли,—продолжалъ Достоевскій, утѣшая,—что ничего не можетъ быть отраднѣе душевной свѣжести и что это ничуть не смѣшно.—Я не воображалъ васъ такою красивою; между тѣмъ, я часто угадываю заранѣе внѣшность человѣка, зная его заочно.

Слова эти не звучали нимало комплиментомъ, это было продолженіе той анатоміи, которая нѣсколько сердила меня и парализовала желаніе молиться.

Онъ заговорилъ о нашихъ литературныхъ вечерахъ, о которыхъ я писала ему. Онъ находить, что это явленіе весьма пріятное, и въ Петербургѣ нѣтъ ничего подобнаго. Коснулись «Анны Карениной». «Знаете ли,—сказала я,—человѣкъ, бранящій «Анну Каренину», кажется мнѣ какъ будто моимъ личнымъ врагомъ». «Въ такомъ случаѣ я

замолкаю!» отвѣчалъ Достоевскій и, какъ я ни упрашивала, ни за что не захотѣлъ высказать своего взгляда. Мнѣ было ужасно досадно на себя.

Просилъ онъ меня къ себѣ, говоря, что онъ даетъ себѣ отдыхъ каждый день отъ 3 до 5 часовъ. Затѣмъ принимается за работу и работаетъ до 7 часовъ утра—всю ночь. Въ 7 часовъ ложится спать и поэтому встаетъ въ 3 часа. Я обѣщала быть, но не хочу злоупотреблять этимъ позволеніемъ и не буду болѣе одного или двухъ разъ. Мнѣ даже кажется, что впечатлѣніе этого перваго раза такъ полно, такъ жгуче, что и не слѣдовало бы видѣться больше; другое дѣло, если бы возможно было сблизиться, стать роднымъ, почти необходимымъ ему человѣкомъ; минутами мнѣ кажется, что это было бы такъ, если бы не нами ворочала судьба, а мы судьбою. Въ эту минуту мнѣ даже пріятно думать о томъ, что я служила бы ему сырымъ матеріаломъ для анатомированія души. Когда я останавливаюсь мысленно на всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ разговора и между ними надъ вопросомъ, почему я показала ему моложавой, я думаю, что бываютъ минуты такого возбужденнаго душевнаго состоянія, когда человѣкъ дѣйствительно можетъ показаться красивѣе и моложе на 10 лѣтъ. Недаромъ потомъ послѣ его ухода я почувствовала черезъ часъ, черезъ два страшное утомленіе и, увидѣвши себя случайно въ одномъ изъ многочисленныхъ зеркалъ гостиницы «Демуть», была удивлена смертельной блѣдностью лица.

Рѣзче всего запечатлѣлась у меня въ памяти слѣдующая черта, выдающаяся въ Достоевскомъ—это боязнь перестать понимать молодое поколѣніе, разойтись съ нимъ. Это просто, повидимому, составляетъ его *idée-fixe*. Въ этой *idée-fixe* вовсе нѣтъ боязни перестать быть любимымъ писателемъ или уменьшить число поклонниковъ и читателей, нѣтъ, на *расхожденіе* съ молодымъ поколѣніемъ онъ, видимо, смотритъ, какъ на *паденіе* человѣка, какъ на нравственную смерть. Онъ смѣло и честно стоитъ за свои задушевные убѣжденія и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы боится не выполнить возложенной на него миссіи и незамѣтно для самого себя

сбиться съ пути. Все это выходить у него необыкновенно искренно, правдиво, честно и трогательно.

На вопросъ его, какъ относится Харьковъ къ «Дневнику писателя», я отвѣчала, что первые три номера были встрѣчены хорошо, но послѣдній вызвалъ протестъ, и я указала ему на мѣсто, гдѣ сказано, что демось нашъ доволенъ, а со временемъ ему будетъ еще лучше. «А много этихъ протестующихъ господъ?» спросилъ онъ. «Очень много!» отвѣчала я. «Скажите же имъ,—продолжалъ Достоевскій,—что они именно и служатъ мнѣ порукой за будущее нашего народа. У насъ такъ велико это сочувствіе, что, дѣйствительно, невозможно ему не радоваться и не надеяться».

25 мая. Вторникъ.

Петербургъ.

Сегодня я позволила себѣ быть у Достоевскаго. Рѣшительно убѣждаюсь, что я для него не человѣкъ, а матеріаль. Онъ все время заставлялъ меня говорить, поощряя безпрестанно замѣчаніями: «Ахъ, какъ вы хорошо, образно рассказываете! Просто слушалъ бы, слушалъ безъ конца!» или «Трудно рѣшить, что вы лучше—пишете или говорите? И пишете прекрасно, и говорите прекрасно!»

Разсказала я ему исторію преступленія К., говорила о своей жизни въ Харьковѣ, о харьковскомъ обществѣ вообще и его отношеніяхъ ко мнѣ. Онъ слушалъ все съ такимъ интересомъ, съ такимъ вниманіемъ, что поневолѣ говорилось очень много.

На столѣ лежалъ «Русскій Вѣстникъ».

— Скажите же мнѣ, Бога ради, что вы думаете объ «Аннѣ Карениной»,—попыталась я вновь счастья.

— Ей Богу, не хочется говорить,—отвѣчалъ Достоевскій.—Всѣ лица до того глупы, пошлы и мелочны, что положительно не понимаешь, какъ смѣетъ графъ Толстой останавливать на нихъ наше вниманіе. У насъ столько живыхъ насущныхъ вопросовъ, грозно вопіющихъ, что отъ нихъ зависитъ быть или не быть, и вдругъ мы будемъ отнимать время на то, какъ офицеръ Вронскій влюбился

въ модную даму и что изъ этого вышло. И такъ приходится задыхаться отъ этого салоннаго воздуха, и такъ натыкаешься безпрестанно на пошлость и бездарность, а тутъ берешь романъ лучшаго русскаго романиста и натыкаешься на то же!

— Не долженъ же романистъ описывать людей, какихъ нѣтъ, онъ долженъ брать жизнь и показывать ее съ художественной правдивостью, какъ она есть, и ваше дѣло выводить изъ всего этого *resumé*,—возразила я.

— Совсѣмъ не то вы говорите,—продолжалъ Достоевскій съ обычной нетерпимостью въ спорѣ, которая выходитъ какъ-то совсѣмъ необходимо; чувствуется, что это результатъ не сомнѣнія, а искренней увѣренности въ изложенной мысли,—совсѣмъ не то: неужели же наша жизнь только и представляетъ Вронскихъ и Карениныхъ, это просто не стоило бы жить.

— А Левинъ,—возразила я вновь,—развѣ не волнуютъ его самые животрепещущіе вопросы? Развѣ не симпатиченъ онъ?

— Левинъ? По-моему онъ и Кити глупѣе всѣхъ въ романѣ. Это какой-то самодуръ, ровно ничего не сдѣлавшій въ жизни, а та просто дура. Хорошъ парень! За пять минутъ до свадьбы ѣдетъ отказываться отъ невѣсты, не имѣя къ тому ровно никакихъ поводовъ. Воля ваша, а это даже ненатурально: сомнѣнія возможны, но чтобы человѣкъ поперъ къ невѣстѣ съ этими сомнѣніями,—невозможно! Одну сцену я признаю вполне художественною и правдивою—это смерть Анны. Я говорю «смерть», такъ какъ считаю, что она уже умерла, и не понимаю, къ чему это *продолженіе* романа. Этой сцены я и коснусь только въ своемъ «Дневникѣ писателя», и расхвалю ее, а браниться нельзя, хоть и хотѣлось бы,—самъ романистъ—некрасиво!

Нетерпимость въ спорѣ еще болѣе выказалась у Достоевскаго, когда рѣчь какъ-то нечаянно коснулась національностей: онъ находитъ, что сербъ, малороссъ и т. д., сочувствующій родному языку, родной литературѣ, положительно *зловредный* членъ общества, онъ тормозитъ работу всеобщаго просвѣщенія, всеобщей великорусской ли-

тературы, въ которыхъ все спасеніе, вся надежда. Онъ тормозитъ ходъ цивилизаціи, созданной однимъ великорусскимъ народомъ, сумѣвшимъ создать величайшее изъ государствъ. Одинъ великороссъ великодушно и честно смотритъ на всѣ національности, безъ всякой злобы и преднамѣренности, тогда какъ малороссъ, напримѣръ, вѣчно держитъ камень за пазухой и не можетъ отнестись къ великороссу иначе, какъ съ враждой. «Вы говорите, что въ Малороссіи существуетъ независимость личности, что взрослый женатый сынъ выбирается на хозяйство, что на женщину не смотрятъ, какъ на скотину, что часто она орудуетъ въ домѣ, что семья живетъ особнякомъ». Что жъ тутъ хорошаго: женится сынъ, обособляется и тотчасъ дѣлается врагомъ. Хозяйство дѣлится по клочкамъ, интересы идутъ врозь,—вотъ вамъ и начало нищенства. Между тѣмъ, какъ великорусская семья представляетъ собою общинное начало. Что за бѣда, если старика уважаютъ въ семьѣ. Это не деспотъ, въ немъ для семьи олицетворяется извѣстный идеалъ, онъ не потому властвуетъ, что ему такъ вздумалось,—нѣтъ, онъ точно выполняетъ должность, назначенную ему природой, а всѣ остальные вполнѣ естественно подчиняются ему. Чувствуется близость, общность интересовъ, раздѣленіе труда, и взаимнѣ всего этого вы предлагаете обособленность, вражду».

Разумѣется, я ничего этого не предлагала и потому горячо спорила; онъ же, съ своей стороны, дошелъ до такой крайности: «Я знаю, мы всѣ куда какъ сочувствуемъ чужимъ національностямъ. Недавно Пашковъ, этотъ извѣстный проповѣдникъ, принялъ къ себѣ въ домъ, отдѣлилъ помѣщеніе и окружилъ всѣми удобствами, кого бы вы думали—двухъ полекъ, выпущенныхъ изъ крѣпости. Чортъ знаетъ, что такое—мало ли русскихъ вѣшается съ голоду, а онъ полекъ!»

Я видѣла, что Достоевскій дошелъ до такого раздраженія, что спорить съ нимъ больше невозможно, и замолчала. Разговоръ отъ Пашкова перешелъ на религію. Достоевскій искренно и глубоко вѣритъ въ Бога,—настолько искренно, что не допускаетъ, такъ сказать, неподдѣльнаго невѣрія.

«Знаете ли, — говоритъ онъ, — всѣмъ имъ этимъ невѣрующимъ слѣдуетъ сказать, что прежде это считалось признакомъ ума, а теперь даже и этого нѣтъ — не считается, авось они перестанутъ говорить эти глупости!»

Спрашивалъ меня, вѣрую ли я.

Я отвѣчала, что никогда и никому не даю отвѣта на этотъ вопросъ. Онъ смутился. «Значить, не вѣрите! — рѣшилъ онъ черезъ нѣсколько мгновений. — Нехорошо! Надо будетъ намъ серьезно поговорить объ этомъ!»

28 мая. Пятница.

Достоевскій обѣщалъ быть у насъ на-дняхъ вечеромъ. Вторникъ и среду я безвыходно сидѣла дома. Въ четвергъ въ десятомъ часу мужъ мой уговорилъ меня пойти погулять, завѣрая, что уже поздно, и онъ не можетъ притти. Я согласилась. Когда мы возвратились въ 11 часовъ изъ Лѣтняго сада, швейцаръ мнѣ подаль карточку: «Федоръ Михайловичъ Достоевскій». Мнѣ показалось въ эту минуту, что я потеряла все, что было дорогого и желаннаго въ жизни; нѣсколько времени я сидѣла молча, въ нѣмомъ отчаяніи, мнѣ думалось: «Если бы возлѣ меня было что-нибудь такое, что можно было бы выпить или понюхать и прекратить эту безцѣльную, глупую, безынтересную жизнь, я непременно выпила бы и понюхала».

Состояніе это было очень тяжелое. Затѣмъ я начала плакать, такъ плакать, что грудь точно рвалась на части, виски стучали, и все тѣло дрожало, точно въ лихорадкѣ. Я плакала такъ, пока не заснула тяжелымъ тревожнымъ сномъ, полнымъ какихъ-то мучительныхъ грезъ. Утромъ я встала измученная и больная — голова болѣла, грудь болѣла, глаза болѣли. Горе притушилось, но все какъ-то ныло, что-то болѣло въ душѣ. Я поѣхала къ Достоевскому, не застала его дома и оставила письмо. Что будетъ — неизвѣстно.

29 мая 1876 года. Суббота.

Сегодня я получила слѣдующее письмо отъ Достоевскаго:

Суббота 29 мая/76 г.

«Многоуважаемая и дорогая

Христина Даниловна!

«Какъ только получили третьяго дня ваше письмо, тотчасъ же съ Анной Григорьевной положили ѣхать къ вамъ опять въ тотъ же вечеръ. Но случилось столько бѣдъ съ «Дневникомъ» (исчезновеніе метранпажа, закрытіе типографій и проч.), что я до перваго часу ночи *прохлопоталъ*, а потомъ съ часу до шести утра я работалъ, пересчитывалъ строчки (вы этой глупѣйшей мудрости не знаете, счастливая Христина Даниловна!). Наконецъ, въ субботу, положили ѣхать къ вамъ навѣрно, но въ 7 часовъ утра я легъ, а въ одиннадцать меня разбудили—бѣда!—165 строкъ лишнихъ надобно выкинуть или дать еще двѣсти слишкомъ строкъ оригиналу, чтобъ было или $1\frac{1}{2}$ листа, или $1\frac{3}{4}$ листа. Вскочилъ, одѣлся, побѣжалъ въ типографію, просидѣлъ до 5 часовъ пополудни, ждалъ оттисковъ и, наконецъ-то, рѣжа по живому тѣлу, нашель возможность выбросить 165 строкъ. Иду домой; думаю, теперь пообѣдаемъ и къ вамъ. И вдругъ новость—присылаютъ изъ типографіи извѣстіе, что исчезъ мой цензоръ, уѣхалъ изъ Петербурга, такъ «что теперь дѣлать?» Не пообѣдавъ и не отдохнувъ, беру оттиски, бросаюсь къ другому цензору, Лебедеву, у Исакиевскаго собора (съ которымъ незнакомъ), и—не застаю дома. Сажусь у него и начинаю описывать ему мое положеніе въ письмѣ, оставляю корректуры, и, однако, голова уже кружится. Ёду въ типографію, тамъ съ метранпажемъ разсчитываемъ каждую оставшуюся минуту, насколько потерпѣть выходъ № отъ промедленія, — слава Богу, есть надежда, что выйдетъ въ понедѣльникъ. Домой воротился въ $\frac{1}{2}$ девятаго, *пообѣдали*—половина десятаго, подумали-подумали, и рѣшили съ женой *не ѣхать*: и

поздно, и, можетъ-быть, опять какое-нибудь извѣстіе изъ типографіи. (Но такъ и всегда въ самомъ концѣ каждаго мѣсяца.) Рѣшился написать вамъ все это, дорогая и добрѣйшая Христина Даниловна,—завтра отъ 5 до 7 часовъ *у васъ будемъ*, пожалуйста, не осудите, повѣрьте, что едва на ногахъ стою. Ваше доброе расположеніе къ намъ насъ съ женой трогаетъ, какъ, если бы вы были наша дорогая, родная сестра, или еще гораздо больше, такъ мы васъ оба любимъ и цѣнимъ. Не беспокойтесь, я васъ два раза видѣлъ и слушалъ, я составилъ уже о васъ твердое мнѣніе,—вы рѣдкое, доброе и умное существо. Такія какъ вы, вездѣ теперь нужны. А мы съ женой именно васъ любимъ по-родственному, какъ правдивое и искреннее *умное* сердце.

«Но довольно. Отнесите тоже къ нервамъ и разстройству. Крѣпко жму вамъ руки. Жена вамъ кланяется. Алексѣю Кирилловичу мой глубокий поклонъ.

Вашъ весь *Ф. Достоевскій*».

30 мая 1876 г.

И, дѣйствительно, Достоевскій былъ у насъ, долго сидѣлъ, много говорилъ...

1 іюня 1876 г.

Въ дорогѣ.

Перебирая въ воспоминаніи разговоръ свой съ Достоевскимъ, я останавливаюсь на томъ обстоятельстве, что онъ совѣтовалъ мнѣ писать, горячо завѣряя, что у меня положительно талантъ писать, и что письмо къ нему это *chef d'oeuvre*, доказывающій присутствіе этого таланта: въ немъ такъ много жизненности, мысли, искренности, огня, не говоря уже о прекрасномъ слогѣ, что изъ-подъ моего пера положительно могъ бы выйти прелестный романъ.

Я слышу это не отъ одного Достоевскаго, и, право, мнѣ это странно: какой романъ можетъ написать малограмотная женщина, какъ узокъ долженъ быть ея кругозоръ, какъ мизерно міросозерцаніе. Куда ни кинь—все клинъ! Въ по-

литикѣ—ни бельмеса, въ исторіи тоже, въ судебныхъ, земскихъ и другихъ общественныхъ дѣлахъ—то же самое! Хорошъ бы былъ мой герой романа! Нѣтъ, это заблужденіе! И всѣ тѣ, которые говорили это сгоряча, подѣ впечатлѣніемъ какого-нибудь моего удачнаго письма, не давали себѣ труда задуматься надъ этимъ и взвѣсить степень моего невѣжества. Не знаю,—винить ли себя, что я самостоятельно не завоевала себѣ въ жизни хоть какого-нибудь образованія, какъ завоевала грамоту, которой меня никто никогда не училъ; была ли это распущенность и лѣнь съ моей стороны? Я думаю, что нѣтъ—практическая жизнь, заработокъ, потомъ дѣти, потомъ школа, настолько захватывали меня всю, что когда же было учиться? А теперь? Теперь жизнь почти пройдена, и не къ чему дразнить себя мыслью о присутствіи таланта, зарытаго въ землю. И если онъ въ самомъ дѣлѣ таится во мнѣ, то я горда, я счастлива, что безраздѣльно посвятила его народу! Въ дни юности знатоки признавали во мнѣ большой драматическій талантъ. Если это дѣйствительно вѣрно, то я опять-таки горда и счастлива, что отдала его не праздной, сытой толпѣ, а мужицкой хатѣ, въ которой во время моего чтенія «Грозы» Островскаго слышались громкія рыданія, какъ на похоронахъ.

5 лѣтъ спустя, страницы моего дневника опять посвящены Достоевскому.

1 февраля 1881 г.

Я пришла въ школу подѣ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Ѳ. М. Достоевскаго. Въ музеѣ собрались уже почти всѣ учительницы, и я предложила вопросъ: «не слѣдуетъ ли сказать дѣтямъ нѣсколько словъ о Достоевскомъ и пойти съ ними на панихиду въ Университетскую церковь.

Началось обсужденіе вопроса. Однѣ говорили, что слѣдуетъ повести въ церковь только взрослыхъ, другія болѣе развитыхъ, трѣи всѣхъ безъ исключенія. Принадлежа къ

послѣднимъ, я высказала слѣдующее: «Бываютъ факты въ жизни, настолько западающіе во впечатлительную душу ребенка, что имѣютъ для него большее воспитательное значеніе, чѣмъ многія нравоучительныя повѣсти и благоразумныя наставленія. Чествованіе памяти выдающагося чело-вѣка непременно должно являться однимъ изъ такихъ воспитывающихъ фактовъ. Боязнь за то, что масса дѣтей непременно будетъ способствовать шуму и нарушать тишину храма и торжественность служенія, напрасна — дѣти привыкли относиться къ церкви съ извѣстнаго рода благоговѣніемъ, и если имъ будетъ объясненъ понятно смыслъ этой минуты, можно ручаться за тишину и спокойствіе». Рѣшено было итти въ церковь всею школою, и мнѣ позволили сказать дѣтямъ нѣсколько словъ о покойномъ.

Вотъ они:

— Дѣти! я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ, но я желаю, чтобы вы выслушали ихъ какъ можно внимательнѣе, и буду говорить только въ томъ случаѣ, если вы устроите мертвую тишину. Жду!

Тишина.

— Когда умеръ обыкновенный чело-вѣкъ—вашъ отецъ, или мать, или братъ, или сестра, кто горюетъ, кто плачетъ о нихъ? О нихъ плачутъ родные и знакомые. Но есть люди, дѣти, необыкновенные, такіе умные, такіе добрые, что вся Россія знаетъ ихъ и плачетъ, вспоминая о нихъ. Четыре дня назадъ въ Петербургѣ умеръ такой чело-вѣкъ—сочинитель Достоевскій! Онъ сочинялъ книжки и въ этихъ книжкахъ больше всего писалъ о бѣдныхъ людяхъ. Помните ли, какъ въ прошломъ году я читала вамъ въ классѣ «Мальчикъ на елкѣ у Христа». Я не могла читать безъ слезъ, и вы всѣ плакали. Этотъ сочинитель больше всего любилъ дѣтей, не только своихъ дѣтей—или тѣхъ, которыхъ онъ зналъ, онъ любилъ всѣхъ дѣтей, и въ своихъ книжкахъ просилъ родителей не бить ихъ, жалѣть ихъ, ласкать ихъ. Онъ любилъ васъ; что же вы можете теперь сдѣлать для него? Сегодня въ Университетской церкви служатъ панихиду по этомъ умномъ и добромъ чело-вѣкѣ. Пойдемъ ли помолиться о немъ, дѣти?

— Пойдемъ! пойдемъ!!!

— Нужно вамъ сказать, что, бывши въ прошломъ году въ Петербургѣ, я была у него и говорила ему о нашей школѣ и о васъ. Онъ слушалъ и спрашивалъ и говорилъ: «У насъ тутъ холодно, сурово; какъ мнѣ хочется пріѣхать къ вамъ на, югъ, въ Малороссію, поглядѣть на вашу школу, на вашихъ дѣтокъ. Какъ тепло, должно-быть, свѣтитъ и грѣетъ ваше солнышко! Ему не удалось пріѣхать къ намъ. Пойдемъ же, дѣти, мы помолимся за добраго, умнаго и честнаго человѣка! Извѣстіе о его смерти пришло такъ неожиданно, что никто изъ насъ, учительницъ, не приготовился рассказать подробнѣе, какъ жилъ этотъ человѣкъ. Нужно вспомнить, нужно почитать кое-что, такъ что на будущее воскресенье я расскажу вамъ о немъ подробнѣе! О комъ мы идемъ молиться?»

— О сочинителѣ Достоевскомъ, умномъ и добромъ человѣкѣ, который любилъ дѣтей!

Длинная вереница ученицъ въ сопровожденіи учительницъ потянулась въ церковь. Проходящіе не могли понять, откуда и куда идетъ это торжественное шествіе. Въ церкви нашлись любопытные, спрашивавшіе дѣтей: «Зачѣмъ вы сюда пришли?» Отвѣтъ былъ дружный: «Молиться за сочинителя Достоевскаго, умнаго и добраго человѣка, который любилъ дѣтей!»

8 февраля.

«Дѣти! Прошлое воскресенье я сказала вамъ, что умеръ добрый и умный человѣкъ—сочинитель Достоевскій и что въ будущее воскресенье я расскажу вамъ, какъ жилъ этотъ человѣкъ, за котораго мы ходили молиться на панихидѣ въ Университетской церкви.

«Между вами есть большіе и маленькіе, есть такіе, что умѣютъ читать, и есть такіе, что не умѣютъ. Всѣмъ большимъ, умѣющимъ читать, я совѣтую прочитать все, что писалъ этотъ великій человѣкъ, а маленькихъ и неграмотныхъ прошу помнить вотъ что: когда вы вырастете и научитесь читать, вспомните, о комъ молились вы 1 февраля 1881 года, и попросите учителей вашихъ дать вамъ прочи-

тать всѣ книжки, которыя сочинялъ Федоръ Михайловичъ Достоевскій. Онъ писалъ, дѣти, все больше о несчастныхъ людяхъ; поэтому, когда будете читать его книжки, учитесь жалѣть ихъ вмѣстѣ съ нимъ...

«Федоръ Михайловичъ Достоевскій родился въ Москвѣ въ 1822 году, т.-е. 58 лѣтъ назадъ.

«Если обыкновенный человѣкъ умираетъ въ 58 лѣтъ, часто говорятъ: «Что жъ, ему пора уже!» Но если умираетъ человѣкъ, который каждый день, каждый часъ дѣлалъ добро людямъ, о томъ всѣ плачутъ и говорятъ: «Жизнь его была нужна людямъ; чѣмъ дольше прожилъ бы онъ, тѣмъ больше сдѣлалъ бы онъ добраго и хорошаго!» Что же именно добраго и хорошаго дѣлалъ Достоевскій?—Онъ сочинялъ книжки!.. Но всѣ ли книжки учатъ насъ добру?—Нѣтъ!—Есть книжки злыя и вредныя, но Достоевскій сочинялъ книжки, которыя учатъ насъ добру, которыя учатъ насъ любить другъ друга, любить народъ нашъ и всѣхъ несчастныхъ, обиженныхъ, униженныхъ...

«Федоръ Михайловичъ учился въ Инженерномъ училищѣ и могъ бы быть инженеромъ, заработать много денегъ и жить себѣ спокойно, но ему казалось, что онъ больше принесетъ пользы людямъ, если будетъ учить ихъ добру черезъ книжки, и онъ бросилъ службу и сталъ сочинять.

«Въ 23 года онъ напечаталъ первую свою повѣсть, называлась она «Бѣдные люди». Всѣ умные сочинители, прочитавши ее тогда, сказали, что изъ Достоевскаго выйдетъ знаменитый писатель. Но недолго пришлось ему поработать. Съ нимъ случилось вотъ какое несчастье: онъ и его товарищи начитались заграничныхъ книгъ, что все у насъ въ Россіи нехорошо и все нужно перевернуть иначе, чтобы всѣ люди были счастливы. Они были молоды, мало жили на свѣтѣ и думали, что можно это устроить. Достоевскій и друзья его собирались вмѣстѣ и потихоньку толковали, какъ это устроить. Начальство узнало про это и сослало ихъ всѣхъ въ Сибирь, въ каторжныя работы. Четыре года онъ работалъ на каторгѣ, въ рудникахъ. Черезъ четыре года ему позволили поступить въ рядовые, потомъ произ-

вели въ офицеры и въ 1858 году разрѣшили возвратиться въ Россію (22 года назадъ).

«Тогда онъ опять началъ сочинять и сочинилъ очень много хорошихъ книгъ. Я скажу вамъ, какъ назывались инныя изъ этихъ книгъ: «Записки изъ мертвого дома»—онъ описывалъ тамъ тюрьму и каторжниковъ, описывалъ, какъ онъ жалѣлъ ихъ и плакалъ надъ ними, и называлъ «Мертвымъ домомъ» тюрьму, потому что человѣкъ, брошенный туда, похожъ на мертвеца, зарытаго въ землю.—Дай Богъ, чтобъ никогда и никто изъ вашихъ близкихъ не попадалъ туда!

«Другая книжка называется «Униженные и оскорбленные». Онъ описываетъ тамъ людей, которыхъ оскорбляютъ и унижаютъ другіе гордые люди, и тоже жалѣетъ ихъ и говоритъ, что они иногда бываютъ лучше этихъ гордыхъ людей.

«И много, много книжекъ написалъ онъ еще...

«Всѣ кто зналъ, кто читалъ его, всѣ любили и уважали его. Въ послѣдній разъ, когда я была въ Петербургѣ и видѣлась съ нимъ, онъ говорилъ мнѣ: «А знаете ли мои книжки читаютъ и во дворцѣ?!»

«Недавно онъ задумалъ опять новую книжку, но не пришлось нашему дорогому писателю окончить ее. Онъ умеръ неожиданно, завѣщая намъ быть добрыми и любить всѣхъ несчастныхъ.

«За гробомъ его шло много, много людей.

«Такъ чтятъ память умныхъ и добрыхъ людей, думавшихъ всю свою жизнь о томъ, какъ бы всѣмъ несчастнымъ людямъ было легче жить на свѣтѣ! Онъ умеръ, но всѣ будутъ долго помнить о немъ.

«Я сказала вамъ прошлый разъ, что онъ особенно любилъ дѣтей. Въ доказательство я прочту вамъ его одну повѣсть «Мальчикъ на елкѣ у Христа»; вы всѣ поймете ее. Когда я дочитаю эту повѣсть о бѣдномъ маленькомъ мальчикѣ, я спрошу васъ: «Дѣйствительно ли Достоевскій любилъ маленькихъ дѣтей—какъ кажется вамъ?»

«Вотъ что еще расскажу вамъ: передъ отъѣздомъ моимъ въ Петербургъ, пять лѣтъ тому назадъ, я прочла въ своемъ классѣ этотъ самый рассказъ Дашѣ Феничкиной, которая стоитъ вотъ тутъ, направо, онъ очень понравился ей,—такъ

понравился, что она списала его съ начала и до конца. Это вышла толстая-претолстая тетрадка. Даша Феничкина тогда еле умѣла писать въ двухъ кривыхъ линейкахъ, которыми сама она полинеила эту тетрадку, сшитую изъ простой сѣрой бумаги. Я захватила ее съ собой въ Петербургъ и при свиданіи съ Достоевскимъ показала ему, рассказавши, въ чемъ дѣло. Онъ задумчиво перелистывалъ ее, и двѣ крупныя слезы скатились по его впалымъ щекамъ».

Затѣмъ былъ прочтенъ мною рассказъ «Мальчикъ на елкѣ у Христа».

Все, что говорила я, было сказано несравненно полнѣе и одушевленнѣе, чѣмъ пришлось записать въ дневникъ; я чувствовала это и по степени собственного одушевленія, и по той мертвой тишинѣ, которая царитъ въ толпѣ только тогда, когда пришлось всецѣло покорить ея вниманіе. Я не видѣла передъ собою ни одного лица отдѣльно, меня охватило всю одно неотразимое желаніе быть понятой этой толпою, вдохнуть въ нее свои симпатіи, свои вѣрованія, заразить своею скорбью, своимъ сочувствіемъ. Не въ одну силу слова вѣрила я, мнѣ казалось, что можно говорить нервами, что всѣ силы души поднимаются во мнѣ для борьбы съ непроницаемою броней невѣжества, раздѣляющею насъ, грамотныхъ людей, отъ неграмотныхъ. Съ похолодѣвшими руками и сильно бьющимся сердцемъ вошла я въ музей, окончивши свою миссію... Тамъ встрѣтилъ меня весь наличный составъ нашего интеллигентнаго кружка. Въ сильномъ волненіи я ожидала слова одобренія и сочувствія. Во мнѣ болѣлъ вопросъ: «поняли ли меня ученицы?» Со стороны это виднѣе. Но одни задумчиво молчали, другіе разговаривали между собою о постороннемъ. Наконецъ, одинъ изъ преподавателей, рѣзко обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Все это было въ высшей степени неумѣстно; второе воскресенье крадутъ время у занятій для бесполезныхъ разглагольствованій. Я самъ глубоко уважаю Достоевскаго, но что поймутъ изъ вашего разсказа эти безграмотные люди?!»

Починъ былъ сдѣланъ. За нимъ потянулись другіе критики. Оказалось, что одна изъ наиболѣе уважаемыхъ учительницъ ушла домой въ видѣ протеста.

Я молчала, низко опустивъ голову... «Богъ знаетъ, быть можетъ, они правы!»

«М-ме Яковлева просить васъ принести ей тетрадь ея ученицы въ третью комнату!» сказали мнѣ. Я пошла. Мнѣ нужно было перейти три комнаты, полныя народу, пробираясь сквозь толпу. Прежде всего мнѣ бросилась въ глаза ученица, утиравшая слезы какой-то бѣлой тряпочкой; другая, робко дергая меня за рукавъ, сказала тихо: «Ахъ, Христина Даниловна, какъ жалостно вы рассказывали!»

Во второй комнатѣ меня остановила цѣлая кучка болѣе смѣлыхъ: «Х. Д., мы идемъ благодарить васъ за то, что вы такъ хорошо намъ рассказали про Достоевскаго. Все поняли! все поняли!» добавили онѣ какъ бы въ отвѣтъ моему тайному вопросу. Одна совсѣмъ юная учительница подошла и сказала робко: «Х. Д., я никогда не слыхала, чтобы кто-нибудь такъ хорошо рассказывалъ. Я считаю, что взяла у васъ урокъ, какъ говорить съ народомъ!» Затѣмъ вижу въ уголкѣ слезы и еще...

Порицанія продолжались, но я не обращала на нихъ вниманія. Возлѣ меня вертѣлась одна изъ наиболѣе развитыхъ ученицъ старшей группы, какъ бы прибирая что-то, а, между тѣмъ, видимо, ее интересовалъ споръ, но только она не смѣла вмѣшаться. Наконецъ, подойдя ко мнѣ и наклонясь къ моему уху, она сказала тихо, вся вспыхнувъ: «Я за васъ, Х. Д., что жъ мы скоты, въ самомъ дѣлѣ, что ли, что не можемъ понять всего того, что вы рассказали о Достоевскомъ. Вотъ еще! Да я первая очень многое читала изъ Достоевскаго!»

15 февраля.

Сегодня принесено нѣсколько изложеній того, что говорила и читала я о Достоевскомъ. Большіе листы сѣрой бумаги исписаны кругомъ кривыми буквами, частью напоминающими іероглифы. Въ иныхъ съ трудомъ можно разобрать слова, но изложеніе поражаетъ той степенью вниманія и пониманія, съ которыми было выслушано все то, что говорилось въ прошлое воскресенье. Конечно, примѣръ, приведенный мною относительно Даши Феничкиной, оказалъ из-

вѣстное давленіе, но, съ другой стороны, разсказъ объ этомъ фактѣ долженъ былъ глубоко проникнуть въ душу, чтобы вызвать себѣ добровольныхъ подражателей.

Горничная одной изъ учительницъ сказала ей дома: «Ну, рассказываетъ Х. Д., просто все нутро трусится!»

Вся проникнутая этимъ потокомъ отзывчивости и сочувствія, я гордо подняла голову: что было для меня послѣ всего этого мнѣніе этихъ интеллигентныхъ людей,—я поняла! Мнѣ, а не имъ удалось тронуть душу народа и заставить плакать надъ свѣжею могилою Достоевскаго!..

Т у р г е н е в ъ.

29 мая 1876 года.

Сегодня я пошла въ читальню и начала просматривать газеты. Вошелъ какой-то господинъ, высокій, плотный, съ свѣжимъ красивымъ лицомъ и совершенно сѣдыми волосами. Я взглянула на него, и странно—лицо его показалось мнѣ совершенно похожимъ на портретъ Тургенева, купленный мною у Бергамаска. Я стала всматриваться и съ каждою минутою все болѣе и болѣе убѣждалась, что это Тургеневъ. Пересмотрѣвъ газеты, онъ вышелъ изъ читальни. Я поспѣшила узнать въ конторѣ, не стоитъ ли въ гостиницѣ Тургеневъ, и когда услышала: «Да, онъ здѣсь въ 65 номерѣ», у меня такъ забилося сердце, что чуть не сдѣлалось дурно. Ложась въ постель, я чувствовала себя совершенно счастливой при мысли, что я видѣла его, Тургенева, близко, живого, воочію,—того самого Тургенева, надъ романами котораго я такъ часто волновалась и плакала. Мнѣ казалось такимъ необыкновеннымъ счастьемъ то обстоятельство, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ именно теперь, въ мой пріѣздъ, и остановился именно у Демута, и именно въ номерѣ 65, черезъ три номера отъ насъ. Дальше этихъ счастливыхъ впечатлѣній воображеніе мое не залетало.

30 мая. Воскресенье.

Когда первый приливъ счастья успокоился, я почувствовала, что мнѣ мало этого безсловеснаго свиданія; видѣть его и говорить съ нимъ стало необходимою потребностью. Желаніе это какъ-то томило меня. Я вѣрила, что это непременно должно случиться, но, какъ устроить это—не могла

придумать. Я надѣялась на свою звѣзду, на счастливый случай, но часы шли, а дѣла мои не подвигались. Я видѣла его издали за завтракомъ, видѣла за обѣдомъ, проходила много разъ мимо его номера въ томительномъ и трепетномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ что-то случится, но ничего не случилось; приблизился вечеръ, настала ночь, а я находилась все въ томъ же нерѣшительномъ положеніи. Заснуть я не могла. Мнѣ думалось: «завтра одинъ день, и все будетъ кончено. Во вторникъ мы уѣдемъ, и я навѣки лишусь случая познакомиться и говорить съ нимъ». Я ломала себѣ голову, пріискивая средства, и вдругъ напала на мысль писать. Къ свѣту письмо быстро сложилось у меня въ головѣ.

«Глубокоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ!

«Видѣть васъ и говорить съ вами составляло всегда мою любимую мечту. Мечта эта, впрочемъ, казалась мнѣ довольно несбыточною: ѣхать за границу я не могла по многимъ причинамъ, надѣяться встрѣтить васъ въ Россіи было также мудрено. Почему свиданіе съ вами составляло мою любимую мечту, я полагаю излишне разъяснять грамотному человѣку, читавшему васъ.

«Жизнь моя полна удачъ и счастливыхъ случайностей. Успѣхъ въ моихъ маленькихъ общественныхъ дѣлахъ (школахъ) многіе относятъ къ моей природной энергіи и настойчивости; мнѣ же думается, что я баловень судьбы и больше ничего, это не вѣра въ предопредѣленіе, это только вѣра въ возможность счастливыхъ случайностей. Она оправдалась и въ этотъ разъ: нужно же было, чтобы дѣла моего мужа привели насъ именно въ маѣ мѣсяцѣ изъ провинціи въ Петербургъ, нужно же было остановиться именно въ гостиницѣ Демуть и притти въ читальню именно въ тотъ часъ, когда вы были тамъ. Раньше я не знала, что вы здѣсь и узнала васъ по портрету. Когда вы вошли на нѣсколько минутъ въ читальню, и я взглянула на васъ, я подумала: «А вѣдь это, право, кажется, Тургеневъ!» Затѣмъ справилась у служащихъ при гостиницѣ, и они подтвер-

дили мою догадку. Я не могла заснуть всю ночь, изобрѣтая средство съ вами познакомиться, но каждое изъ нихъ оказывалось, въ концѣ-концовъ, неудобно, навязчиво. Приходилось продолжать надѣяться на свою звѣзду и на какую-нибудь счастливую случайность, но—увы!—я встрѣтила васъ вчера издали за обѣдомъ—и только.

«Когда я увидала васъ въ первый разъ, я такъ была этимъ счастлива, что мнѣ казалось съ меня довольно и этого; но затѣмъ явилось непреодолимое желаніе познакомиться, говорить съ вами. Желаніе это растетъ, а средствъ къ осуществленію его никакихъ. Между тѣмъ, завтра мы уѣзжаемъ, и я, быть-можетъ, навѣки теряю случай познакомиться съ вами. Ввиду этого я рѣшилась на послѣднее средство—писать и просить васъ, какъ счастья, удѣлить мнѣ полчаса вашего времени. Будетъ ли это у васъ, въ читальнѣ, у насъ (номеръ 69 въ одномъ съ вами коридорѣ),—мнѣ все равно. Не примите меня за какую-нибудь авантюристку, ищущую приключеній. Я—замужняя женщина, мать четырехъ дѣтей, и если хочу видѣть васъ, то какъ идеаль воплотившійся для меня въ живомъ человѣкѣ, какъ кумиръ, которому хочется поклоняться и молиться. Все это, можетъ-быть, нѣсколько смѣшно и странно, особенно въ 35 лѣтъ, но позвольте надѣяться, что по свойственной вамъ гуманности вы пощадите эту записку отъ ироніи и насмѣшки во имя ея неподдѣльной искренности.

«Дома весь день и вечеръ. Жду отвѣта въ номеръ 69.

Глубоко уважающая Васъ

Х. Амевская.

Я встала тихонько, крадучись, точно воръ, боясь разбудить мужа и вызвать протестъ моимъ неразумнымъ планамъ. Написавши письмо, я также тихонько пробралась въ корридоръ, выждала кельнера, служащаго въ нашихъ номерахъ, и дрожащими руками подала ему письмо, прося передать въ 65 номеръ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ принесъ мнѣ отвѣтъ:

«Милостивая Государыня!

«Я буду имѣть честь явиться къ Вамъ сегодня въ 2 часа. Ваше мнѣніе обо мнѣ такъ лестно, что я принужденъ заранѣе просить у Васъ извиненія, если впечатлѣніе, которое я произведу на Васъ, окажется совершенно несоотвѣтственнымъ тому идеалу, въ который вамъ угодно было меня возвести.

«Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи

Ив. Тургеневъ».

Какъ долго и томительно должно быть ожиданіе отъ 9 до 2 часовъ. Пойти бы куда-нибудь, а вдругъ со мною что-нибудь случится: раздавать лошади или что-нибудь въ этомъ родѣ. Я начала дорожить собою, какъ человѣкомъ, которому предстоитъ увидѣть Тургенева. Наконецъ, пробило два часа, и онъ вошелъ въ нашъ номеръ, нѣсколько сконфуженный и чувствуя себя, повидимому, неловко. Мужъ мой встрѣтилъ его панегириками его сочиненій. Это, казалось, сконфузило его еще больше, и онъ усиленно старался перевести разговоръ на другую тему и перевелъ на Малоросію. Вообще и потомъ, какъ только разговоръ касался его сочиненій, онъ, видимо, не любя толковать на эту тему, старался тотчасъ прекратить его. Что касается до меня, то я была очень рада, что кто-нибудь говоритъ за меня,—такое сильное чувствовала волненіе.

Когда онъ началъ говорить о Малоросіи, я очень была рада сличить ихъ мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ съ Достоевскимъ, какъ людей почти однихъ лѣтъ и одного лагеря славянофиловъ. Въ голосѣ его было такъ много доброты и кротости, что вначалѣ я приняла его сторонникомъ бывшаго украинофильскаго движенія. «Да, я очень люблю Малоросію,—говорилъ Тургеневъ.—Въ ней, въ ея пѣсняхъ, въ ея обычаяхъ такъ много симпатичнаго; если не это, то будущее лѣто я непременно посѣщу ее и тогда, конечно, если позволите, буду у васъ. Впрочемъ, и не бывши тамъ, я немножко работалъ для нея, переводя рассказы Марка

Вовчка. Одно только составляет, я думаю, вопросъ (и съ этой минуты я увидѣла передъ собою все того же славянофила)—это то, способенъ ли малорусскій языкъ къ дальнѣйшему совершенствованію, почему на немъ нѣтъ ни одного мало-мальски научнаго сочиненія, и даже самъ Шевченко писалъ свой дневникъ по-великорусски. Вотъ что приводитъ меня въ сомнѣніе».

Затѣмъ онъ сталъ какъ бы разспрашивать, говорятъ ли въ Малороссіи въ обществѣ по-малорусски, выходятъ ли новыя книги, учатъ ли по-малорусски въ школахъ, заставляя насъ самихъ побивать себя этими отвѣтами и игнорируя вопросъ о произволѣ, прекратившемъ возможность развитія малорусскаго языка. Затѣмъ разговоръ коснулся «Анны Карениной».

— Это совсѣмъ не похоже на романъ,—говорилъ Тургеневъ все тѣмъ же кроткимъ голосомъ,—это просто какіе-то небрежные наброски. Вамъ кажется, что Левъ Толстой путешествуетъ и безразлично останавливаетъ свой взоръ то на одной, то на другой картинкѣ. Ему все равно, что попадаетъ ему на глаза—хорошо ли оно или дурно. Вы чувствуете даже, что описаніе этихъ картинокъ зависитъ отъ его личнаго расположенія духа. Въ хорошемъ онъ расположеніи, онъ смотритъ такъ, въ дурномъ—иначе на тотъ же самый предметъ. Писать такъ романъ невозможно. Въ немъ должна быть вложена извѣстная идея.

— А какое будетъ заглавіе вашего новаго романа?—спросила я.

— Не знаю. Я никогда не даю заглавія до окончанія романа—это нѣсколько стѣсняетъ.

Тургеневъ просидѣлъ у насъ отъ двухъ до пяти часовъ; съ каждою минутою разговоръ становился проще и непринужденнѣе. Говорилось о многомъ: сѣтовалъ онъ на бездарность молодого поколѣнія, на бѣдность русской литературы, говорилъ о Достоевскомъ и его романахъ.

— Видите ли,—говорилъ онъ,—Достоевскій человѣкъ болѣзненный, и эта болѣзненность отражается и въ его произведеніяхъ. Вначалѣ вы видите, какъ будто нѣсколько нормальныхъ типовъ, непохожихъ одинъ на другого, затѣмъ

они всё разомъ точно будто заболѣваютъ и какъ-то сливаются, дѣлаются похожи одинъ на другого. Никогда ни одного нормальнаго типа, доведеннаго до конца.

— Да есть ли они и въ жизни,—возразила я,—притѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ общества, которыя рано или поздно непременно надламываютъ человѣка.—Затѣмъ я разсказала ему объ обществѣ, ожидающемъ съ минуты на минуту пришествія Христа, которое вчера мнѣ удалось видѣть. Онъ говоритъ, что подобныя общества разсѣяны повсюду, и если эти люди воображаютъ, что они изобрѣли что-либо новое, то они жестоко ошибаются. Тутъ онъ развилъ теорію о томъ, что, вообще, люди ошибаются, преувеличивая значеніе своей воли, и если сличить статистическія данныя самоубійствъ различныхъ сектъ и другихъ людскихъ дѣйствій, то съ поразительною ясностью увидишь отсутствіе этой кажущейся воли. Мнѣ почему-то стало очень грустно отъ этой теоріи, въ устахъ Тургенева она дышала какою-то безнадежностью, апатіей; ужъ не бросилъ ли онъ и Россію въ силу этой теоріи и утѣшается мыслью, что такъ и быть должно.

На прощанье мы заявили, что уѣзжаемъ завтра. Онъ бросился до пріѣзда въ Харьковъ.

На другой день нашъ кельнеръ, весь сіяющій, объявилъ мнѣ, что номеръ 65 (онъ для нихъ не болѣе, какъ 65 номеръ!!!) тоже велѣлъ укладывать вещи и выѣзжаетъ съ экстреннымъ поѣздомъ въ 6½ часовъ. Причемъ я получила отъ мужа выговоръ, что даже прислуга замѣчаетъ мое сумасбродство, но я такъ была счастлива, что никакіе на свѣтѣ выговоры не могли замутить этого счастья.—Въ 12 часовъ я пошла завтракать. Тургеневъ тоже завтракалъ тамъ же въ садикѣ съ какою-то дамою. Оказалось, что онъ съ нею путешествуетъ, что это Віардо.

Я сѣла поодаль и старалась незамѣтно, изрѣдка смотрѣть на него. Онъ бросалъ крошки хлѣба воробьямъ глядя на нихъ своими свѣтлыми, добрыми глазами. Въ эту минуту я позавидовала воробьямъ и тому, какъ много онъ обращаетъ на нихъ вниманія. Точно угадавъ мою мысль, онъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ со мною нѣсколько словъ. Я показала самой себѣ похожею на воробья.

Вечеромъ на вокзалѣ, пробираясь черезъ густую толпу, мой мужъ сказалъ мнѣ шопотомъ: «Тургеневъ взялъ билетъ въ спальномъ мужскомъ отдѣленіи, а я взялъ тебѣ въ спальномъ женскомъ—вѣдь все равно ничего не подѣлаешь!»

Я прокляла въ эту минуту и желѣзную дорогу, и спальныя вагоны, и необходимость сна, и все, что отняло у меня эти нѣсколько дорогихъ для меня часовъ. Правда, что каждую станцію я превращалась въ воробья, но этого было такъ мало.

Утромъ мы были въ Москвѣ, гдѣ онъ и остался, а мы поѣхали дальше. Я готова была бы, кажется, заболѣть и умереть, лишь бы остаться въ Москвѣ, но ни того, ни другого не случилось.

Въ спальномъ вагонѣ, кромѣ меня, ѣхало еще двѣ дамы—одна пожилая, вся въ черномъ, другая худенькая, высокая, съ какимъ-то нервнымъ подергиваніемъ въ лицѣ.

— Не можете себѣ представить,—говорила первая тономъ человѣка, глубоко вѣрующаго въ справедливость исповѣдуемыхъ имъ убѣжденій,—до какой степени парализуется теперь моя дѣятельность въ школѣ. Составился педагогическій совѣтъ контролировать мои дѣйствія, каждый мой шагъ подлежитъ обсужденію, и все это молодежь,—молодежь, только что отпущенная съ ученической скамьи и напичканная одною часто неосуществимою теоріей. Такъ, напримѣръ, недавно педагогическій совѣтъ рѣшилъ отмѣнить награды. Я не понимаю, почему соревнованіе есть подлость, почему желаніе выдвинуться изъ толпы, желаніе подвига есть подлость? Все они подравниваютъ, подравниваютъ и подравняли до того, что у насъ нѣтъ совѣмъ глупыхъ людей, но зато нѣтъ и умныхъ, выдвигающихся изъ толпы, какъ бывало прежде. Я долго ратовала за эти награды, которыхъ дѣти ждали, къ которымъ дѣти привыкли; доказывала, что они готовятся къ жизни реальной, что въ этой реальной жизни никто изъ насъ не отказывается отъ наградъ, и самъ батюшка, тянуцій въ общій тонъ противъ наградъ, былъ

очень обрадованъ еще такъ недавно камилавкой. Чѣмъ же рѣшили? Рѣшили отмѣнить награды, но оставить за мною право дѣлать подарки, т.-е. вмѣсто заслуженной награды получать подачки,—однимъ словомъ вымѣняли ястреба на кукушку. Ввели звуковой методъ, и я увѣряю васъ, что у меня лучше, бойчѣе, выразительнѣе научались читать по буквослагательному. Было толковое обученіе, но не было этихъ бесплодныхъ разглагольствованій, этого самоуслаждительнаго говоренья о четырехъ ногахъ лошади и крыльяхъ птицы.

Меня очень заинтересовала эта старушка учительница, такъ бойко и энергически отстаивающая свои права и взгляды, я подошла ближе къ ней и спросила, читала ли она статью Льва Толстого о народномъ образованіи?

— Не только читала,—отвѣчала она,—но въ ней есть положительно мои мысли, мы большіе съ нимъ пріатели, и онъ помѣстилъ въ своей статьѣ нѣсколько взглядовъ и фактовъ, заимствованныхъ отъ меня и изъ моей личной практики.

Въ эту минуту поѣздъ остановился. Дама въ черномъ вышла пить чай, я осталась съ ея знакомой нервной дамой, чтобы разспросить, что это за учительница.

— Это графиня Сологубъ, родная сестра умершаго Самарина, жена писателя Сологуба. Это чрезвычайно энергическая и умная женщина. Школа, о которой она рассказывала, создана всецѣло ею лѣтъ 10—15 назадъ. Создана она была изъ ничего; теперь же обладаетъ капиталомъ въ 50 тысячъ, великолѣпнымъ помѣщеніемъ и выпускаетъ ежегодно до 50 прекрасныхъ швей и горничныхъ, которыя, впрочемъ, чаще выходятъ замужъ, чѣмъ попадаютъ на должности, такъ какъ заведеніе славится своей примѣрной нравственностью и трудолюбіемъ. Она не любитъ выставляться и играть роль хозяйки и обыкновенно увѣряетъ, что школа создана обществомъ и ведется корпораціей учителей и учительницъ, но это вздоръ: она создана и ведется ею и ея энергіей, и только такая преданность дѣлу, какою обладаетъ она, можетъ повести человѣка на такіе компромиссы, на которые рѣшается она, подчиняясь духу времени. Она согласится на многое,

чтобы не портить дѣла междоусобіями, но зато и сумѣетъ отстоять то, что считаетъ фундаментомъ своихъ убѣжденій, поддерживающимъ любимое дѣтище—школу. Это женщина, которую многіе глубоко уважаютъ и въ томъ числѣ графъ Левъ Толстой.

Дама въ черномъ снова вошла въ вагонъ, я подошла къ ней и, рассказавши ей о своемъ поклоненіи Льву Толстому, просила ее, ради Бога, достать мнѣ его портретъ. Она взяла мою визитную карточку, приписала на ней Харьковъ и дала честное слово доставить мнѣ его портретъ, если только онъ существуетъ въ природѣ. Она купила въ Харьковѣ недавно имѣніе и дала мнѣ слово быть непремѣнно въ семейной и воскресной школѣ въ первый свой пріѣздъ къ намъ. На слѣдующей станціи она встала, и я осталась вдвоемъ съ нервной дамой. Провожая до вокзала графиню Сологубъ, я спросила ее, кто моя сосѣдка. Она отвѣчала:

— Княгиня Ч., сестра князя Васильчикова, написавшаго «о самоуправленіи». Она въ высшей степени нервная женщина. Ее не рѣшаются даже отпускать въ путь одну. Замѣтили компаньонку, сидящую въ углу. Да и самый взглядъ княгини какой-то странный, безпокойный.

— Да, это правда,—подумала я,—пока она не заговорить, но говорить она прекрасно, хотя какъ-то слишкомъ уже горячо, порывисто, точно сердится или боится, что вотъ-вотъ ее перебьютъ.

Я вошла въ вагонъ. Княгиня Ч. возобновила разговоръ о Львѣ Толстомъ, затѣмъ мы разговорились о писателяхъ вообще и остановились на Тургеневѣ.

— Да, онъ совершенно погибъ для Россіи,—говорила княгиня Ч., глядя куда-то вдаль блуждающимъ взоромъ своихъ огромныхъ голубыхъ глазъ и нервно ворочая въ рукѣ концы лентъ своей шляпы,—совершенно погибъ съ тѣхъ поръ, какъ сошелся съ этой иностранной пѣвицей Віардо. Онъ не написалъ съ тѣхъ поръ ни одной порядочной вещи, между тѣмъ, въ немъ еще очень много энергіи, жизни и силъ. Всѣ его интересы, всѣ его симпатіи направлены туда—

заграницу. Это человѣкъ, оторванный отъ почвы и, благодаря этому, утратившій свою творческую силу. Можно изучать чужіе края, не отдавая имъ всей своей души, а онъ отдалъ, и безвозвратно. Онъ въ полномъ подчиненіи Віардо, она ревнуетъ его къ Россіи, не понимая, что вся сила его генія именно заключалась въ любви къ родинѣ. Онъ и самъ, вѣроятно, чувствуетъ это инстинктивно и ѣдетъ писать свой большой романъ въ деревню, но и это самое выходитъ какъ-то искусственно—важно не быть въ деревнѣ, важно не отрываться отъ нея душой, не отставать отъ анализа общества, слѣдить за движеніемъ молодого поколѣнія, вотъ что важно, а не поселиться въ русской деревнѣ на два, на три мѣсяца. Я увѣрена, что новый романъ его, опять выйдетъ слабъ, какъ слабы всѣ его послѣднія вещи, за исключеніемъ «Хворой», отрывкой изъ какихъ-то прежнихъ записокъ.

«Правда, Віардо—очень умная, очень энергическая женщина. Во время послѣдней французской войны они внезапно потеряли все свое состояніе и очутились нищими съ кучею дѣтей, но она не упала духомъ. Она стала давать уроки и такимъ образомъ поддержала семью. Теперь къ ней сѣзжаются со всѣхъ концовъ земли и платятъ по 100 франковъ за урокъ, такую она пользуется популярностью. Кромѣ того, она, старуха подъ 60 лѣтъ, такъ художественно владѣетъ остатками своего голоса и поетъ съ такимъ чувствомъ, что невозможно слышать безъ слезъ ея пѣнія. Все это прекрасно, но зачѣмъ же тратить на нее все свое состояніе, да и состояніе еще ничего бы, но свои нравственные силы. Зачѣмъ она отняла его у родины, зачѣмъ загасила талантъ? Его узнать нельзя людямъ, знавшимъ его такъ близко, какъ знали мы съ мужемъ.

Въ эту минуту поѣздъ остановился. Княгиня Ч. засуетилась. Компаньонка одѣла ее какъ маленькаго ребенка. Взглядъ ея снова сталъ какимъ-то испуганнымъ и растеряннымъ, руки нервно дрожали. Трудно было повѣрить, что эта женщина только что окончила самую складную и систематическую рѣчь. Карета ждала ее у вокзала. Она сѣла и уѣхала.

Нападки на Тургенева, сходныя съ тѣми, которыя высказывала княгиня Ч., появились и въ печати.

Мнѣ до слезъ было жаль геніальнаго человѣка, въ котораго такъ несправедливо бросали грязью, и я написала ему горячее письмо, на которое онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующее:

50, Rue de Douai.
Paris.

Суббота, 30/18 марта 1878 г.

«Милостивая Государыня

Христина Даниловна!

«Я получилъ ваше письмо и, право, не знаю, какъ вамъ отвѣтить. Оно меня очень тронуло. Выраженія сочувствія, которыми оно исполнено, такъ сильны, что мнѣ остается только благодарить. Мнѣ весьма памятна наша встрѣча въ Петербургѣ, и я очень былъ бы радъ, если бъ она возобновилась. Я выѣзжаю изъ Парижа въ послѣднихъ числахъ мая—и раньше сентября туда не вернусь.

«Письма, подобныя вашему, могли бы поколебать мою рѣшимость оставить литературныя занятія. Но я перестаю писать не потому, что критика со мной обходится строго, а потому, что, живя почти постоянно за границей, я лишена возможности прилежныхъ и пристальныхъ наблюденій надъ русской жизнью, которая къ тому же усложняется съ каждымъ годомъ.

«Но мнѣ отрадно думать, что моя посильная дѣятельность могла возбудить такіе горячіе отзвуки въ русскихъ душахъ.

«Примите, Милостивая Государыня, вмѣстѣ съ вторичнымъ изъясненіемъ моей благодарности увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и совершенной преданности вашего поклоннѣйшаго слуги.

Ив. Тургеневъ».

Левъ Толстой ¹⁾.

14 апрѣля 1884 года.

Еще одно осуществившееся желаніе, еще одинъ счастливый день въ жизни... Я видѣлась сегодня съ Львомъ Толстымъ. Приѣхавъ въ Москву въ четвергъ, я заболѣла желаніемъ видѣть его, но осуществить это желаніе, у меня не было рѣшимости. Наконецъ, я рѣшилась написать Толстому коротенькую заурядную записочку о желаніи видѣться съ нимъ.

Посыльный отнесъ эту записку въ 12 часовъ. Левъ Николаевичъ еще спалъ. Сказали, что онъ нездоровъ. Затѣмъ онъ проснулся, ему подали записку и тутъ же, по словамъ посыльнаго, приѣхали два доктора. Черезъ нѣсколько минутъ Левъ Николаевичъ вышелъ къ нему и сказалъ: «Передайте, что мнѣ очень нездоровится; если почувствую себя лучше, непременно буду самъ, чтобы лично повидаться и познакомиться».

Получивши этотъ отвѣтъ, я замерла въ ожиданіи. Каждый новыя шаги по корридору заставляли меня вздрагивать и вслушиваться. Черезъ нѣсколько часовъ я изучила уже въ совершенствѣ шаги моего мужа, посыльнаго, кельнера, корридорнаго и очень явственно умѣла отличать отъ нихъ чужіе, неизвѣстные шаги, заставлявшіе каждый разъ замирать сердце. Но ожиданія были напрасны. Подошла мучительная ночь, я невыразимо страдала нравственно—мнѣ казалось, что я задумала нѣчто такое несбыточное, невозможное, чего мнѣ никогда и ничѣмъ не достигнуть.

На другой день мужъ мой, невольный свидѣтель всѣхъ этихъ терзаній, отправился въ часъ дня къ Толстому съ

¹⁾ Было напечатано въ газетѣ „Школа и Жизнь“ №№ 19, 20, 1911 г.

намѣреніемъ освѣдомиться объ его здоровьѣ и узнать объ ожидающей меня участи. Онъ встрѣтилъ Льва Николаевича въ передней и объяснилъ ему цѣль своего посѣщенія. Тотъ очень привѣтливо пригласилъ его въ свой кабинетъ. Кабинетъ этотъ, по словамъ мужа моего, представлялъ пустую комнату съ кроватью, двумя стульями, станкомъ, вѣроятно, для шитья сапогъ (такъ какъ Толстой выучился въ послѣднее время шить сапоги) и узломъ бѣлья въ углу.

Левъ Николаевичъ просилъ передать мнѣ, что сегодня ему несравненно лучше, что онъ намѣтилъ быть у меня около трехъ часовъ и непременно исполнить это намѣреніе.

Получивши это извѣстіе во второмъ часу, я прежде всего позвала кельнера и объяснила ему, что около трехъ часовъ ко мнѣ пріѣдетъ графъ Толстой и, чтобы въ то время, какъ онъ будетъ у меня, онъ никого не принималъ и говорилъ, что меня нѣтъ дома. Я внушала ему все это такъ вразумительно, что, казалось, никакихъ недоразумѣній произойти не можетъ.

Какъ провела я эти два часа, затрудняюсь объяснить—пробовала читать, писать, укладывать вещи въ дорогу,—ничего не выходило. Кончилось тѣмъ, что я по-вчерашнему сѣла въ уголъ на кресло и, такъ сказать, окаменѣла.

Въ пять минутъ четвертаго какой-то незнакомый мнѣ старческій голосъ явственно произнесъ: «Это номеръ 93?—«Ихъ дома нѣтъ», отвѣчалъ солидно нашъ важный кельнеръ. Я, какъ сумасшедшая, бросилась къ двери.

Передо мной стоялъ человѣкъ невысокаго роста, съ широкимъ мускулистымъ лицомъ, съ длинною, мужицкою нечесанною бородою съ просѣдью, въ поношенной сѣрой блузѣ, опоясанной кожанымъ поясомъ, въ широкихъ сѣрыхъ шароварахъ, спрятанныхъ въ сапоги самаго безобразнаго фасона (вѣроятно, собственнаго издѣлія) и въ узкомъ, порыжѣломъ пальто нараспашку. Сходство съ портретомъ помогло мнѣ рѣшить, что это былъ Левъ Толстой. Онъ съ трудомъ сталъ стаскивать рукава своего узковатаго пальто. Я дѣлала выразительные жесты кельнеру, чтобы тотъ помогъ ему, но напрасно. Онъ стоялъ съ лицомъ, выражав-

шимъ недоумѣніе. Это лицо ясно говорило: «Велѣно не принимать, а сами впустили къ себѣ какого-то проходимца»...

Левъ Николаевичъ продолжалъ высвободиться изъ пальто. Потерявши терпѣніе, я сказала кельнеру: «Помогите же». Толстой сдѣлалъ послѣднее усиліе, стащилъ второй рукавъ и сказалъ: «Нѣтъ, ради Бога, не надо, я привыкъ самъ». Здороваясь со мною такъ просто и естественно, точно мы знакомы съ нимъ сто лѣтъ, точно будто не произошло ничего необычайнаго, какъ казалось мнѣ, онъ сказалъ: «Опоздалъ немного. Шелъ базаромъ. Вижу — съ одной стороны купля и продажа, возбужденныя до ожесточенія алчныя лица торговко́въ, съ другой — озабоченныя, недовѣрчивыя лица покупателей, а въ сторонкѣ какой-то странникъ, повѣствующій о чемъ-то съ большимъ воодушевленіемъ и около него кружокъ напряженно слушающихъ людей съ устремленными на него расширенными глазами. Подошелъ. Очень интересно. Долго прослушалъ бы, если бы не спѣшилъ къ вамъ».

Мы сѣли. На столѣ лежалъ указатель «Что читать народу».

— Вотъ онъ,—сказалъ оживленно Левъ Николаевичъ, взявъ книгу въ руки.—Какой большой... Знайте, что я самый рьяный пропагандистъ вашей книги: роздалъ своимъ пріятелямъ всѣ отдѣлы по листкамъ, а самъ сижу пока надъ литературнымъ отдѣломъ. Его не скоро одолѣешь. Боюсь одного, что вы опочите на лаврахъ и не войдете въ дѣло, въ которое мнѣ очень хотѣлось бы вовлечь васъ. Признайтесь, вся ваша душа теперь безраздѣльно въ этой книгѣ? Да?

— Положимъ, о лаврахъ мы не думаемъ мечтать,—отвѣчала я.—Дай Богъ, избѣжать хоть терній, но въ настоящую минуту вся душа моя, дѣйствительно, въ этой книгѣ, и я не могу вообразить себѣ другого дѣла, другихъ интересовъ въ жизни.

— А, между тѣмъ, дѣло есть и какое дѣло!—продолжалъ Толстой.—Мы задались цѣлью отвѣтить на вопросъ, поставленный вашей разумной книгой,—на вопросъ, что

читать народу. Она, ваша книга, дала намъ эту мысль, такъ и знайте, мы не хоронимся съ этимъ. Скажу болѣе, она вызвала движеніе, расшевелила дремавшій вопросъ. Спасибо ей... Что же именно вознамѣрились мы сдѣлать? А вотъ что: прежде считали грамотныхъ въ народѣ десятками, теперь ихъ насчитываютъ сотни и тысячи, и неужели мы, такъ называемая интеллигенція, не позаботимся о пищѣ духовной для этой меньшей братіи?.. Я имѣю обыкновеніе носить копейки въ карманѣ. Когда нищій протягиваетъ ко мнѣ руку, мнѣ стыдно, мнѣ больно оттолкнуть ее. Какъ не дать, когда онъ знаетъ, что карманъ мой заключаетъ тысячи этихъ копеекъ. Такъ и тутъ. Но гдѣ найдемъ мы чистые источники жизни, правды и поэзіи? Мы найдемъ ихъ...

И онъ назвалъ цѣлый рядъ именъ, которыхъ я или вовсе не слыхала, или слыхала такъ рѣдко, что затрудняюсь ихъ повторить.

— Мы найдемъ ихъ въ такихъ сочиненіяхъ, какъ...

И опять восполѣдовалъ перечень совершенно неизвѣстныхъ мнѣ названій. Очевидно, эти имена и эти заглавія говорили ясно, какую именно духовную пищу желаетъ предложить народу графъ Толстой, но для меня они были гласомъ вопіющаго въ пустынь, и я смотрѣла на него недоумѣвающимъ взглядомъ. Вѣроятно, подмѣтивши это, онъ сказалъ:

— Я, кажется, плохо объяснилъ вамъ свою мысль. Это обыкновенно бываетъ съ человѣкомъ, слишкомъ ясно представляющимъ извѣстное дѣло: ему кажется, что и другой долженъ понять его съ полуслова. Не правда ли?

— Я ничего не поняла, — отвѣчала я грустно, — но не потому, что вы плохо объяснили мнѣ, Левъ Николаевичъ, а потому, что прежде чѣмъ говорить съ вами, я должна предупредить васъ откровенно, что вы имѣете дѣло съ круглой невѣждой. Чтобы рѣзче охарактеризовать степень моего невѣжества, я должна сказать вамъ, что даже грамотъ я выучилась самоучкой.

— И не знаете ни исторіи, ни географіи, ни ариѣметики? — сказалъ онъ веселымъ вызывающимъ тономъ.

— Не знаю...

— И не знаете языковъ, не читаете иностранныхъ писателей?

— Не читаю...

— Какая прелесть, какъ я люблю встрѣчаться съ людьми, самостоятельно достигшими извѣстнаго развитія. Бога ради, расскажите мнѣ послѣдовательно, съ колыбели, какъ вы дошли до того, чѣмъ обладаете? Я буду слушать васъ, сколько хотите.

Несмотря на то, что и самой мнѣ хотѣлось несравненно больше слушать, чѣмъ говорить, волей-неволей пришлось рассказать автобіографію. Я начала съ того, какъ мой отецъ находилъ излишнимъ учить дѣвочку грамотѣ, какъ выучилась я читать, подслушивая у дверей уроки братьевъ, какъ помогала имъ потомъ въ гимназіи и писала имъ сочиненія, какъ въ юности я набрела на мысль, что умѣть читать и писать есть нравственное наслажденіе, до котораго я должна довести въ жизни какъ можно больше людей, какъ, наконецъ, попала въ школу и пристрастилась къ ней и т. д. и т. д.

Толстой слушалъ весьма внимательно. Когда я окончила, мнѣ самой казалось удивительнымъ, какимъ образомъ я такъ смѣло, съ такимъ одушевленіемъ и, даже кажется, жестикуляціей могла рассказывать всю эту исторію передъ Львомъ Толстымъ. И тутъ же, какъ бы въ отвѣтъ мнѣ, припомнилось мое дѣтство.

Мнѣ припомнилось, какъ мать говорила мнѣ о Богѣ, что Его нечего бояться, что Онъ добрый, что говори ему или нѣтъ, Онъ все равно знаетъ сердце человѣческое и всѣ помыслы людскіе, что каждый имѣетъ право притти и молиться Ему и повѣрять Ему все, что происходитъ въ душѣ. Когда я приходила въ церковь и устремляла обыкновенно глаза на блѣдно-голубой куполъ, усыянный золотыми звѣздами, и искала знакомый мнѣ добрый, разумный ликъ Бога-Отца съ широкой сѣдой бородой, со скипетромъ въ лѣвой рукѣ и державой въ правой, я повѣряла Ему всѣ свои дѣтскія тайны, которыя казались мнѣ тогда чрезвычайно важными, я чувствовала на себѣ взглядъ его серьез-

ныхъ, добрыхъ глазъ, и вся счастливая и умиленная возвращалась домой. Ребенкомъ я любила именно Бога-Отца. Бога-Духа Святого я тщетно силилась постичь, несмотря на всѣ толкованія матери. Исторія Іисуса Христа мнѣ не нравилась и казалась не трогательной, а какой-то страшной и обидной. Какъ Онъ, Сынъ Бога, могъ допустить Себя до того, что Его распяли? Идеи страданія за міръ я не могла понять и полюбила Христа гораздо позднѣе и сознательнѣе. И только Богъ-Отецъ являлся моему дѣтскому воображенію въ полномъ величіи, милосердіи и славѣ.

Впослѣдствіи я много разъ дѣлала наблюденія надъ дѣтьми и находила у нихъ много общаго съ моими дѣтскими впечатлѣніями. Странно, но въ эту минуту Толстой показался мнѣ въ высшей степени похожимъ на ликъ Бога-Отца моего дѣтства, и тѣ же чувства умиленія, довѣрія и любви наполняли душу.

Помолчавъ немного и подумавъ, онъ сказалъ:

— Да, все это очень интересно и поучительно... Постараюсь объяснить вамъ свою мысль въ болѣе популярной формѣ. Мы предлагаемъ народу четыре сорта литературы: во-первыхъ, лучшую. Ее любить народъ. И онъ правъ, такъ какъ въ ней попадаетъ много цѣннаго, истинно поэтическаго и неподдѣльно народнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней масса цинизма и грязи, которые систематически деморализуютъ народъ изъ вѣка въ вѣкъ. Во-вторыхъ, тенденціозную. Ее не любитъ народъ, не люблю и я и считаю себя не въ правѣ прививать народу ни тенденцій «Московскихъ Вѣдомостей» — съ одной стороны, ни доктринъ «Отечественныхъ Записокъ» — съ другой. Я самъ не знаю, въ нихъ ли истина, и, быть-можетъ, народъ изберетъ иной путь вѣрнѣе и безошибочнѣе. Въ-третьихъ, бездарную. Въ ней работаютъ люди, оказавшіеся негодными для литературы, предназначенной для интеллигенціи. О ней не стоитъ говорить. И, наконецъ, четвертую — предлагающую Тургеневыхъ, Толстыхъ и Достоевскихъ. Ее не понимаетъ народъ, такъ какъ это пирожное, а не хлѣбъ насущный. Я умѣю готовить и отлично могу приготовить утонченныя любимыя блюда моихъ пріятелей, но въ то же время не умѣю сварить щи

съ саломъ. Такъ и тутъ. Что же прикажете дѣлать?.. Мы слишкомъ сложны для народа, слишкомъ, если хотите, реальны, слишкомъ мало отрѣшились отъ злобы дня. Но вы знаете, конечно, что есть гиганты мысли, что есть гении, завѣщавшіе міру великія сокровища своего ума. Они доступны каждому человѣческому сердцу, исторія уже отвела имъ надлежащее мѣсто и зоветъ ихъ провозвѣстниками истины и добра. Такихъ людей, такія творенія необходимо популяризировать для народа.

«Когда я вхожу въ смѣшанную школу дѣвочекъ и мальчиковъ, когда десятки дѣтскихъ глазъ смотрятъ на меня,— я силюсь угадать, гдѣ здѣсь Жоржъ-Зандъ, гдѣ здѣсь Спиноза, и эта мысль особенно воодушевляетъ меня. Для нихъ хочу работать я, имъ хочу преподнести чистые идеалы незатемненной истины. Я хочу воспитать ихъ умъ на этихъ идеалахъ, дабы они явились провозвѣстниками добра и правды... Всѣ лучшія силы общества: профессора и литераторы, примкнули ко мнѣ, всѣ обѣщали мнѣ работать въ этомъ направленіи, и я имѣю уже подъ рукой массу интереснѣйшаго матеріала, я наслаждаюсь, я зачитываюсь имъ. Мнѣ предлагаютъ капиталы на это дѣло, но я боюсь капиталовъ: пойдутъ кассиры, секретари, председатели. Терпѣть не могу всѣхъ этихъ рутинныхъ формальностей. Форма часто заѣдаетъ дѣло: будутъ секретари, кассиры, председатели и не будетъ, пожалуй, одного — книгъ. Пропагандируйте и вы тамъ у себя, въ Харьковѣ, это дѣло, сообщите профессорамъ: авось найдутся люди сочувствующіе, люди талантливые и способные сдѣлать что-либо для народа.

— Напрасно вы надѣтесъ на профессоровъ, Левъ Николаевичъ,— сказала я:— быть-можетъ, они и талантливы въ своей научной сферѣ, но они не знаютъ народа и не могутъ снизойти до него со своей высоты.—И я, какъ характерный примѣръ, привела изданіе одного изъ харьковскихъ профессоровъ.

— Знаю, знаю, — перебилъ меня Левъ Николаевичъ,— отсюда познакомился.—И онъ указалъ на книгу «Что читать народу».

— Пророкъ, а ничего не пророчить... — повторилъ онъ слова нашей ученицы Титаревой.

— Но вѣдь я самъ, лично буду редактировать эти изданія, такъ какъ знаю немножко народъ. Я весь теперь въ этомъ дѣлѣ, какъ вы въ своемъ указателѣ. Относительно же профессоровъ я слышалъ мысль, пожалуй, нѣсколько сходную съ вашей отъ одного изъ даровитѣйшихъ изъ нихъ. Онъ говорилъ: «Не слишкомъ надѣйтесь на насъ, Левъ Николаевичъ. Между нами весьма мало истинно талантливыхъ людей. Къ тому же мы не знаемъ народа. А для того, чтобы писать для него, необходимы оба эти условія. Одинъ изъ писателей говорилъ какъ-то, что теперь, когда онъ чувствуетъ себя негоднымъ сочинять для большихъ, онъ попробуетъ писать для дѣтей. Подобные люди не понимаютъ, что намъ писать для дѣтей и народа несравненно труднѣе, чѣмъ писать для интеллигенціи, частичку которой мы представляемъ сами собою. Хоть бы они почтили вашу книгу, ваши отзывы...»

— А знаете, Левъ Николаевичъ,—сказала я,—иные находятъ эти ученическіе отзывы дѣланными и думаютъ, что я сама ихъ сочинила.

— Если бы мы могли съ вами такъ сочинять, мы были бы геніями,—возразилъ онъ,—тогда наши сочиненія такъ же слѣдовало бы популяризировать для народа. Нѣтъ, такъ сочинить невозможно. А скажите, кстати, кто первый изъ васъ изобрѣлъ эти отзывы?

Пришлось сознаться, что я, но почему-то мнѣ сдѣлалось ужасно неловко, и я поспѣшила возвратиться къ начатому разговору, хотя онъ и успѣлъ замѣтить: «Я такъ и зналъ».

— Я не согласна съ вами, Левъ Николаевичъ,—сказала я,—будто Тургеневы, Толстые и Достоевскіе недоступны для народа. Возьмите—«Записки охотника».

— Но вѣдь, вы выбрали нарочито доступныя вещи изъ цѣлой книги «Записокъ охотника»,—возразилъ онъ.—Конечно, отзывы эти воспитательны. Особенно, второй—«Пѣвцы» и первый, кажется,—«Живыя мощи». Но вѣдь это еще ничего не доказываетъ. Возьмите наши капитальныя произведенія—они куда не годятся.

— А «Чѣмъ люди живы»?—сказала я.—На мой взглядъ это драгоцѣнный вкладъ въ народную литературу...

— Мѣстами я и самъ доволенъ. Дай Богъ, чтобы такъ еще писалось. Но мѣстами положительно сентиментально, и, вслушавшись, чувствуешь нѣсколько фальшивыхъ нотъ,—отвѣчалъ онъ, точно будто рѣчь шла о совершенно чужомъ ему произведеніи.

— А какъ вы находите пониманіе народомъ сочиненій Островскаго?—спросила я, видя изъ предыдущаго разговора, что онъ дѣйствительно изучилъ нашъ литературный отдѣлъ.

— Прелестно,—отвѣчалъ онъ.—Я давно не читалъ Островскаго и не видался съ нимъ, а потому и впечатлѣнія отъ его произведеній какъ-то улеглись и стушевались, но по прочтеніи этихъ отзывовъ онъ вдругъ опять выросъ передо мною во весь ростъ, и я пришелъ въ такой азартъ, что собрался одѣваться и ѣхать къ нему дѣлиться впечатлѣніями, да кто-то помѣшалъ.

Я рассказала ему о восторгѣ Островскаго, о которомъ мнѣ особенно рельефно передавала Е. И. Цвѣткова.

— Еще бы!—отвѣчалъ онъ.—Это вполне понятный восторгъ. А отчего не рецензировали вы «Арабскихъ сказокъ»? Ихъ такъ любить народъ. Это съ вашей стороны непростительно. А расскажите мнѣ еще вотъ что: расскажите о наличномъ составѣ учительницъ вашей воскресной школы...

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, я, со свойственной мнѣ горячностью, охарактеризовала научную подготовку многихъ изъ учительницъ воскресной школы. Тутъ выступили на сцену и бакалавръ, и Женева, и математическій факультетъ, и Бестужевскіе курсы. Детальнѣе всего я, конечно, остановилась на А. М. Калмыковой и сказала, что участіе ея въ дѣлѣ, о которомъ говорилъ онъ, было бы чрезвычайно цѣнно.

— Какъ бы я желалъ видѣть вашу школу и произвести въ ней нѣсколько педагогическихъ опытовъ чтенія,—сказалъ Толстой.—Трудно сказать, кто и что представляетъ собою больше интереса: деревенскій ли людъ съ его непочатымъ невѣжествомъ, или это городское населеніе съ пах-

нувшей на него цивилизаціей. Насколько, съ одной стороны, освѣтила она его умъ, а съ другой—деморализовала. Вотъ вопросъ, представляющій величайшій интересъ.

— А скажите, пожалуйста, неужели ученицы ваши, посѣщая школу разъ въ недѣлю, выучиваются читать и писать за годъ?

Я объяснила, какъ и во сколько выучиваются у насъ грамотѣ, говорила о домашнихъ работахъ ученицъ, о значеніи «Наглядной Азбуки» и «Азбуки-Копейки», способствующихъ самообученію, затѣмъ перешла къ характеристикѣ ихъ автора, Ф. Ф. Павленкова, какъ человѣка и какъ издателя. Но, видимо, онъ очень расположенъ къ Маракуеву, въ руки котораго, по всей вѣроятности, и попадутъ изданія будущей «Народной Библіотеки». Хотя, говорятъ, будто бы жена Толстого, Софья Андреевна, сама предполагаетъ завѣдывать изданіями. Не знаю, такъ ли это.

Расположеніе, съ которымъ говорилъ Левъ Николаевичъ о Маракуевѣ, не помѣшало мнѣ, однако, сказать ему, что только первые выпуски его изданій были хороши (т.-е. произведенія Толстого), послѣдующіе же весьма слабы.

Изданія, проектируемыя Толстымъ, будутъ издаваться на самой простой бумагѣ, форматомъ и внѣшностью напоминающей лубочную литературу, и будутъ конкурировать съ нею по цѣнѣ и интересу.

Выслушавъ это, я порекомендовала ему заглянуть въ нашъ историческій отдѣлъ, говоря, что тамъ онъ найдетъ кое-что по поводу лубочной литературы и что, вообще, отдѣлъ этотъ составляетъ гордость нашей книги.

Выслушавъ это, онъ засыпалъ меня вопросами, на которые я не могла отвѣчать, не зная основательно историческаго отдѣла. Тогда онъ сказалъ: «Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ взять у васъ эту книжечку, а то я не знаю, удастся ли мнѣ собрать свои листочки».

Я предложила прислать книгу.

— Нѣтъ я возьму самъ,—возразилъ онъ,—что я за важный баринъ, чтобъ не дотащить одной книги, хотя бы и такой объемистой, какъ ваша. А скажите кстати, представляли ли вы ее въ Ученый Комитетъ?

— Колеблемся,—отвѣчала я,—боимся—что, какъ не одобрять...

— Такъ что жъ,—возразилъ онъ,—тѣмъ лучше. Одинъ мой знакомый собирается приклеить на своей неодобренной книгѣ маленькій ярлычокъ съ надписью: «Не одобрена Мин. Нар. Просв.». И, навѣрное, это дастъ ходъ книгѣ. Никогда не слѣдуетъ входить въ компромиссы съ жизнью. Ваше дѣло — правое дѣло, честное, добросовѣстное. Чего же и кого же вы можете бояться? Я, кажется, писалъ или собирался писать вамъ объ этомъ. Да все некогда...

— Нѣтъ, не писали,—отвѣчала я,—и вообще вы скупы, Левъ Николаевичъ, на письма, а, между тѣмъ, есть люди, вполне достойные нашего отвѣта.

— Что дѣлать,—отвѣчалъ онъ,—ей Богу, нѣтъ никакой возможности отвѣчать. Если бы я отвѣчалъ на всѣ получаемыя мной письма, мнѣ, пожалуй, пришлось бы ничего больше не дѣлать, какъ сидѣть и писать отвѣты. Ваше же письмо произвело на меня сильное впечатлѣніе, а тутъ еще и безхитростные, трогательные дѣтскіе пересказы.

И вдругъ голосъ у него дрогнулъ, вѣки покраснѣли и блеснули слезы. Онъ замолчалъ, вынулъ платокъ, быстро отеръ ихъ и прибавилъ: «Вотъ... какъ видите...» И помолчавъ, спросилъ: «А кто же эти люди, достойные отвѣта?»

— Во-первыхъ,—сказала я,—Е. А. Сысоева, издательница лучшаго дѣтскаго журнала «Родникъ» и, безспорно, самая талантливая изъ всѣхъ дѣтскихъ писательницъ. У васъ есть дѣти, Левъ Николаевичъ, обратите вниманіе на «Родникъ» и дайте имъ читать его.

— Вы слишкомъ ужъ стыдите меня,—отвѣчалъ онъ шутя.—Дѣти мои читаютъ «Родникъ», и я самъ считаю его лучшимъ дѣтскимъ журналомъ, несравненно выше «Дѣтскаго Отдыха» и другихъ.

— Если такъ, то позвольте обратиться къ вамъ съ просьбой, исполненіе которой, въ концѣ-концовъ, доставить лично вамъ эстетическое наслажденіе—прочтите «Исторію маленькой дѣвочки» Сысоевой и дайте прочесть ее старшимъ дѣтямъ».

— Непремѣнно прочту...

— Есть еще нѣкто, кому слѣдовало бы отвѣчать,—продолжала я,—это В. П. Коховскій. И я сдѣлала при этомъ должную характеристику.

— Знаю его, знаю,—перебилъ меня Левъ Николаевичъ,—и по его полезной дѣятельности, и по вашей интересной замѣткѣ—«Наблюдения надъ безмолвной аудиторіей Соляного Городка»—и вотъ, что я вамъ скажу: его письмо показалось мнѣ самымъ искреннимъ, теплымъ и симпатичнымъ изъ всѣхъ полученныхъ мною въ послѣднее время писемъ. Такъ и скажите ему при свиданіи и очень, очень извинитесь передъ нимъ, что не писалъ. Ей Богу, не могъ: хворалъ и недосугъ. А расскажите мнѣ объ Аврамовѣ, о которомъ вы писали мнѣ.

Я рассказала все, что знала.

— Очень интересный человѣкъ, замѣтилъ онъ.—Люблю такихъ...

— Итакъ, поручаю вамъ, Христина Даниловна, пропагандировать мою мысль,—сказалъ онъ прощаясь.—Довольно ли ясна она для васъ теперь?

— Да, кажется... — отвѣчала я.— Но все-таки вамъ слѣдовало бы, Левъ Николаевичъ, изложить свое profession de foi печатно. Это дало бы вамъ еще больше союзниковъ. При устной передачѣ возможны сокращенія, добавленія и прочее, что способно исказить первоначальный смыслъ идеи.—И я рассказала ему ходячіе слухи о томъ, что онъ составляетъ нѣчто подобное нашему «Указателю» и еще разъ повторила: «Бога ради, изложите печатно ваши планы».

— Да какая вы, однако, точная и аккуратная,—сказалъ онъ, смѣясь.—Ужасно любите, какъ я вижу, подводить всему итоги. Что жъ, и прекрасно... Желаю вамъ на прощаніе подвести самые отрадные итоги полезнаго вліянія вашей книги, въ чемъ, впрочемъ, я не сомнѣваюсь.

И онъ ушелъ...

Я задыхалась отъ желанія подѣлиться съ кѣмъ-нибудь избыткомъ впечатлѣній и, какъ это ни смѣшно, бросилась прежде всего въ корридоръ къ кельнеру.

— А знаете ли, кто это былъ? Графъ Толстой...—сказала я торжествующимъ тономъ.

— Не можетъ быть!—воскликнулъ онъ искренно, забывая на минуту свой осанистый видъ и лакейскую почтительность.—Я, ей Богу, думалъ на нихъ, что они простой человѣкъ, даже вся одежда ихняя это доказываетъ. Не хотѣлъ пустить и немало удивился, когда вы приказали пальто съ нихъ скидывать. Скажите, пожалуйста...—заключилъ онъ, выразительно мотая головой.

Я собиралась сдѣлать характеристику Толстого, но онъ перебилъ меня, сказавъ: «Какъ же-съ, мы очень даже объ нихъ наслышаны. Говорятъ, они очень умные, хорошо сочиняютъ и къ тому же простонародіемъ очень интересуются».

Я вспомнила еще одно средство развлечься—написать телеграмму. Но кому? З. И.? Нѣтъ, мало. Мнѣ хотѣлось крикнуть на весь міръ, что я видѣла Толстого, что я говорила съ нимъ, и я прибавила къ телеграммѣ: «Покажите завтра въ воскресной школѣ».

Наконецъ, возвратился мой мужъ.

— Не былъ?—спросилъ онъ тревожно.

— Былъ,—отвѣчала я счастливымъ голосомъ.

— Какъ же швейцаръ сказалъ мнѣ, что не былъ?

— Тоже, значить, не узналъ...—отвѣчала я и рассказала исторію съ кельнеромъ.

Левъ Николаевичъ былъ правъ, что письмо мое произвело на него глубокое впечатлѣніе; вотъ что отвѣчалъ онъ мнѣ тогда:

«Христина Даниловна!

«Получивъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ отъ неизвѣстнаго мнѣ лица ваше письмо, я тотчасъ же по прочтеніи его почувствовалъ, что имѣю дѣло съ человѣкомъ искреннимъ и серьезнымъ, и почувствовалъ себя нравственно обязаннымъ вникнуть въ то, что отъ меня требуется, и исполнить это, сколько могу. Прочтя отрывокъ изъ школ. замѣт., я еще болѣе убѣдился въ этомъ, а чтеніе отзывовъ ученицъ привело въ сильнѣйшее волненіе; я, читая ихъ, плакалъ отъ умиленія, чего терпѣть не могу. Успокоившись теперь

пищу вамъ.—Слѣдуетъ ли печатать отзывы рецензентовъ и библіотекарей?—Не знаю, такъ какъ не имѣю образцовъ ихъ. Боюсь вліянія личныхъ вкусовъ при сужденіяхъ. Если рецензіи эти только какъ бы статистическія свѣдѣнія о томъ, что больше читается и спрашивается, что лучше, полнѣе рассказывается,—тогда это очень, очень важныя и полезныя свѣдѣнія. Но достоинство такихъ свѣдѣній тѣмъ больше, чѣмъ свѣдѣнія эти независимѣе отъ всякой предвзятой мысли. Поль-де-Кокъ и Житія святыхъ, положимъ, разбираются въ библіотекѣ больше всего и пересказываются лучше всего, какъ ни странно это можетъ показаться; если, положимъ, это такъ, то это драгоцѣнный матеріалъ, изъ котораго могутъ быть сдѣланы выводы огромной важности. Но только чтобы выводы не смѣшивались съ дѣломъ собиранія матеріала. Собираніе же этого матеріала драгоцѣнно, чрезвычайно важно и можетъ быть сдѣлано именно въ такомъ учрежденіи, какъ ваше, и будетъ тѣмъ полезнѣе и важнѣе, чѣмъ больше будетъ выборъ предлагаемаго и чѣмъ больше свободы при этомъ выборѣ. Что же касается до отзывовъ ученицъ, то это и драгоцѣннѣйшій матеріалъ и вмѣстѣ самое важное поученіе для всякаго педагога и писателя, не ограничивающагося при своемъ писаніи одной маленькой кликой близкихъ ему людей. Но не отзывъ. Отзывъ, т.-е. сужденіе о прочитанномъ, человѣкъ неиспорченный, слава Богу, не можетъ сдѣлать. Тутъ происходитъ совершенно обратное: наша интеллигенція такъ воспитывается, чтобы умѣть не понимать того, что она читаетъ, судить о читаемомъ такъ, что выходитъ похоже на то, что она понимаетъ. Гимназическій курсъ въ этомъ состоитъ. Человѣкъ же съ уцѣлѣвшимъ здоровымъ мозгомъ прежде всего старается понять глубже то, что онъ читаетъ, а понять можно всякую вещь мелко и глубоко. Судить же неиспорченный человѣкъ и не любить и не умѣетъ, и потому, по моему мнѣнію, нужны и драгоцѣнны будутъ во всѣхъ отношеніяхъ не отзывы, а различные пересказы ученицами читаемаго. Въ нихъ будетъ и самый вѣрный, и серьезный отзывъ. Сколько разъ я замѣчалъ въ своей практикѣ—все хорошее, все правдивое, гармоничное, мѣткое запоминается

и передается; все фальшивое, накладное, психологически невѣрное пропускается или передается въ ужасающемъ безобразіи. Кромѣ того, пересказы эти драгоцѣнны по отношенію къ русскому языку, которому мы только начинаемъ немножко выучиваться.

«Боюсь, что я вамъ говорю то, что вы сами лучше меня знаете, и потому извините меня, что я заболтался. Я такъ люблю это дѣло, и письмо ваше такъ расшевелило во мнѣ старыя дрожжи.

«И такъ, я позволяю себѣ совѣтовать вамъ печатать и отзывы учащихся преимущественно въ формѣ свѣдѣній о томъ, что больше читается и лучше передается, и отзывы учащихся въ формѣ пересказовъ прочитаннаго съ наивозможной точностью передачи.

«Очень благодарю васъ за ваше письмо и желаю успѣха вашему прекрасному дѣлу.

Л. Толстой».
